

100 великих романов

Оноре де БАЛЬЗАК

ОБ ЕКАТЕРИНЕ
МЕДИЧИ



Оноре де Бальзак

Об Екатерине Медичи

Серия «100 великих романов»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64765011
Об Екатерине Медичи : роман / Оноре де Бальзак ; [пер. с фр.
и коммент. А. Шадрина].: Вече; Москва; 2021
ISBN 978-5-4484-8615-9*

Аннотация

Франция XVI века, Париж, блистательный французский двор, Екатерина Медичи, Мария Стюарт, герцоги Гизы, принцы Конде, католики и гугеноты, кровавая битва за власть, в которой гибнут случайные люди, – всё это знакомо читателю благодаря французским приключенческим романам, ставшим классикой. Однако не все знают, что эта же тема вдохновила ещё одного известного французского автора, принадлежащего к совсем иному литературному направлению, – Оноре де Бальзака. В его романе «Об Екатерине Медичи» отразился особый взгляд на судьбу этой знаменитой королевы.

Содержание

Об екатерине медичи	6
Вступление	9
Часть первая	79
I. Дом, которого больше нет на улице, которой не существует в Париже, который был не таким, как ныне	79
II. Реформаты	92
III. Горожане	111
IV. Замок Блуа	127
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Оноре де Бальзак

Об Екатерине Медичи



В оформлении обложки использована картина Гоффредо Босио «Екатерина Медичи убеждает Карла IX отдать приказ о Варфоломеевской ночи»

Знак информационной продукции **12+**

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021



ООО «Издательство «Вече»
<http://www.veche.ru>

Об екатерине медичи

*Господину маркизу де Пасторе¹,
члену Академии изящных Искусств*

Когда думаешь о том, сколько было издано книг, ставивших своей задачей уточнить путь следования Аннибала через Альпы, причем до сих пор так и не установлено, шел ли он, если верить Витекеру и Ривасу, через Лион, Женеву, Сен-Бернар и долину Аосты, или, если верить Летронну, Фоллару, Сен-Симону и Форсиа д'Юрбану, через Изер, Гренобль, Сен-Бонне, Мон-Женевр, Фенесгреллу и проход Сюз, или, по мнению Лароза, через Мон-Сени и Сузу, или, по мнению Страбона, Полибия и Делюка, через Рону, Вьенну, Иенну и Мон-дю-Ша, или, наконец, по мнению кое-кого из людей умных и, на мой взгляд, более справедливому, через Геную, Бокетгу и Скривию (этого последнего мнения придерживался и Наполеон), не говоря уже о том укусе, каким отдельные ученые приправляли Альпийские горы², при-

¹ Маркиз Де Пасторе, Амедей Давид (1791–1857) – член французской Академии Искусств. Монархист по своим убеждениям. В типографии Бальзака в 1828 году была напечатана его работа по истории «Герцог де Ги в Неаполе, или Заметки о революциях в этом государстве в 1647 и 1648 гг.».

² ...не говоря уж о том укусе, каким отдельные ученые приправляли Альпийские горы... – Согласно рассказу римского историка Тита Ливия, карфагенский полководец Ганнибал (Аннибал), наткнувшись на утес, преграждавший дорогу

ходится только удивляться, господин маркиз, что мы с таким пренебрежением относимся к новой истории. Важнейшие моменты ее покрыты мраком неизвестности, и самая отвратительная клевета поливает грязью имена, которые следовало бы чтить. Заметьте кстати, что изучение перехода Аннибала зашло так далеко, что стали сомневаться, переходил ли он вообще когда-нибудь через Альпы. Отец Менетрие считает, например, что Скорас, о котором упоминает Полибий, есть не что иное, как Сона; Летрон, Лароза и Швейгхаузер думают, что это Изер, а лионский ученый Кошар полагает, что это Дром. Тот, кто умеет видеть, найдет между Скорасом и Скривией немало общего как с географической, так и с лингвистической точек зрения; к тому же можно быть почти уверенным в том, что карфагенский флот стоял на якоре или в Специи, или в Генуэзской гавани.

Мне кажется, что все эти терпеливые исследования имели бы смысл, если бы сам факт битвы при Каннах³ был подвергнут сомнению. Но, коль скоро результаты ее известны, надо ли исписывать целые горы бумаги утверждениями, которые являются всего только искусно разукрашенными гипотезами, в то время как история самого значительного периода

в Альпах, приказал разжечь у его подножия огромный костер и затем поливать раскаленный камень уксусом. Утес дал трещины и упал. (Эпизод из 2-й Пунической войны между Римом и Карфагеном 218–201 гг. до н. э.)

³ Битва при Каннах – эпизод из 2-й Пунической войны (208.216 г. до н. э.). Ганнибал сумел окружить превосходящие силы противника и разбил римское войско.

нового времени, история эпохи Реформации⁴, пестрит такими огромными лакунами, что мы не знаем даже в точности имени человека, который делал попытку пустить первое паровое судно в Барселоне⁵, в то время как Лютер и Кальвин⁶ готовили восстание человеческого разума.

Вы и я, мы оба, каждый по-своему, изучали великий и прекрасный образ Екатерины Медичи и пришли к одному и тому же выводу. Вот почему я подумал, что мои исторические труды об этой королеве мне следовало бы посвятить писателю, который столько времени занимался историей Реформации, и что в глазах всех это будет знаком моего уважения к личности и чувствам человека, верного монархической идее, тем более ценным, что в наши дни ей редко воздают должное.

Париж, январь 1842 г.

⁴ Эпоха Реформации – борьба за реформу католической церкви, начавшаяся в Германии в начале XVI века и охватившая большинство стран Западной Европы.

⁵ Имя этого изобретателя, по-видимому, Саломон Ко (пишется Саих, а не Caus). Этому великому человеку всегда не везло. Даже имя его после смерти писали неверно. Саломон, чей подлинный портрет, написанный, когда ему было сорок шесть лет, обнаружен автором «Человеческой комедии», родился в Ко, в Нормандии. (Примеч. автора.)

⁶ Лютер и Кальвин – вожди Реформации. Мартин Лютер (1483–1546) – немецкий монах, деятель Реформации, основатель протестантизма (лютеранства) в Германии. Жан Кальвин (1509–1564) – деятель Реформации, основатель кальвинистского учения, распространившегося главным образом во Франции, Англии, Швейцарии. Кальвин отличался крайней религиозной нетерпимостью.

Вступление

Когда исследователь, пораженный какой-нибудь ошибкой в области истории, пытается ее исправить, это чуть ли не всегда считают верхом нелепости. Но тому, кто основательно изучает историю нашего времени, хорошо известно, что историки – это привилегированные лжецы, охотно пересказывающие народные предания, совершенно так же, как большинство современных газет говорит только то, что думают их читатели.

Светские ученые в гораздо меньшей степени отличаются независимостью суждений об истории, чем ученые церковные. Самыми достоверными сведениями исторического характера, разумеется, в тех случаях, когда раскрытие истины не затрагивает интересов церкви, мы обязаны монахам-бенедиктинцам⁷, которыми по праву гордится Франция. Вот почему начиная с середины XVIII века появляется немало крупных ученых-богословов. Необходимость исправить ходячие ошибки, распространяемые историками, заставила их издать весьма примечательные труды. Так вот г-н де Лонуа, названный «Изнитожителем святых», объявил жестокую войну всем святым, которые контрабандным путем про-

⁷ Бенедиктинцы. – Монастыри бенедиктинского ордена славились в Средние века своими летописцами и учеными-комментаторами, которые опубликовали ряд исторических работ и справочников, среди них «Искусство проверять даты».

никли в лоно церкви. Именно поэтому соперники бенедиктинцев, члены «Академии надписей и словесности», люди никому почти не известные, начали издавать свои труды по поводу загадочных событий истории, труды, являющие собою чудеса терпения, эрудиции и логики.

Так вот Вольтер, руководимый недостойными мотивами, нередко с какой-то мрачной страстью всей силой своего ума ополчался на исторические предрассудки. С этой же целью Дидро написал свое непомерно длинное историческое исследование об эпохе Римской империи. Если бы не было Революции, французские критики, обратившись к истории, подготовили бы, может быть, какую-то наметку для хорошей, настоящей истории Франции, по данным, которые столько времени тому назад были уже собраны нашими великими бенедиктинцами. Людовик XVI, человек, обладавший светлым умом, сам даже перевел с английского языка сочинение, где Уолпол пытается истолковать личность Ричарда III⁸, книгу, которая так занимала минувшее столетие.

Но как же получается, что знаменитые короли и королевы, что столь выдающиеся полководцы вызывают у нас ужас или кажутся нам смешными? Половина людей еще не решила, чему отдать предпочтение – английской истории или песенке

⁸ «...Уолпол пытается истолковать личность Ричарда III» – Английский писатель Хорас Уолпол (1717–1797) опубликовал в 1768 году книгу «Сомнения историка относительно жизни и царствования Ричарда III», где он сопоставляет и анализирует различные факты из жизни Ричарда III.

о Мальбруке⁹; точно так же, как в отношении Карла IX мы еще не решили, кто прав – история или народная молва.

Во все эпохи, когда происходят крупные столкновения народных масс с представителями власти, в народе создается представление о каком-то *чудовище-живоглоте*, да будет мне позволено употребить это слово, чтобы вернее выразить мою мысль. Так вот, в наше время, если бы не существовало «Мемориала острова Святой Елены»¹⁰, если бы не возникло конфликтов между роялистами и бонапартистами, очень легко могло случиться, что о личности Наполеона у всех осталось бы превратное представление. Явился бы еще какой-нибудь аббат де Прадт¹¹, напечатали бы еще несколько газетных статей, и из императора Наполеон превратился бы в людоеда. Каким же образом ошибочное суждение так легко распространяется и утверждается? Все это каким-то загадочным путем совершается на наших глазах, но мы этого даже не замечаем. Никто не подозревает, в какой степени печать упрочила как зависть, столь свойствен-

⁹ ...английской истории или песенке о Мальбруке. – Имеется в виду французская народная шутивая песенка «Мальбрук в поход собрался», высмеивающая английского полководца герцога Мальборо (1650–1722).

¹⁰ «Мемориал острова Святой Елены» – то есть дневник Наполеона I, написанный им (вернее, продиктованный) во время ссылки на острове Св. Елены (1815–1821).

¹¹ Аббат де Прадт, Доменик (1759–1837) – занимался политической и дипломатической деятельностью, отличался большой беспринципностью, занимал высокие посты при Наполеоне I; во время Реставрации разыгрывал роль либерала, выступал с разоблачением личности и политики Наполеона.

ную людям образованным, так и распространенные анекдоты, которые резюмируют значительное историческое событие, давая ему совершенно неверное толкование. Так вот, именем князя Полиньяка по всей Франции называют скверных лошадей, которых приходится понукать, и кто знает, что будут наши потомки думать о произведенном князем Полиньяком¹² государственном перевороте. По прихоти Шекспира, вызванной, может быть, даже желанием отомстить, подобно тому, как Бомарше мстил Бергассу¹³, Фальстаф сделался в Англии комическим типом: одно имя его вызывает смех, это король шутов. В действительности же Фальстаф никогда не был таким неимоверно толстым, одуревшим от влюбленности, тщеславным, пьяницей и старым развратником. Напротив, Фальстаф был одним из самых значительных представителей своей эпохи, кавалером ордена Подвязки и человеком, облеченным высокой властью. К моменту вступления Генриха V на царство Фальстафу было самое большее тридцать четыре года. Этот военачальник, отличившийся во

¹² ...о произведенном князем Полиньяком государственном перевороте. – Речь идет об ультрамонархической политике Полиньяка, премьер-министра при Карле X. По инициативе Полиньяка, стремившегося задушить республиканское оппозиционное движение, были приняты так называемые Июльские ордонансы, ограничивающие свободу печати, вводящие новый реакционный избирательный закон. Ордонансы явились поводом к событиям Июльской революции 1830 года.

¹³ ...подобно тому как Бомарше мстил Бергассу... – Никола Бергасс – французский адвокат, выступал на процессе против драматурга Бомарше (конец XVIII в.). Последний изобразил его в лице подлого интригана Бежарса в своей комедии «Преступная мать» (3-я часть трилогии о Фигаро).

время битвы при Азенкуре¹⁴, когда он взял в плен герцога Алансонского, захватил в 1420 году Монтеро, который отчаянно защищался. Наконец, при Генрихе VI он разбил десяти тысячную французскую армию, хотя под его началом было только полторы тысячи измученных и умирающих с голоду солдат!

Вот факты, относящиеся к военной истории.

Перейдем теперь к литературе. Оказывается, Рабле, трезвенник, который ничего не пил, кроме воды, слывет у нас чревоугодником и завзятым пьяницей. Сколько разных смешных историй сложено об авторе «Пантагрюэля» – одной из прекраснейших книг во французской литературе!

Об Аретино¹⁵, друге Тициана, человеке, который был Вольтером своего времени, в наши дни сложилось представление, совершенно противоположное его сочинениям, его личности; из него сделали человека развращенного, такого, каких нам рисуют произведения его эпохи, когда чудачества были в чести, когда королевы и кардиналы писали новеллы, которые мы теперь называем непристойными. Такого рода примеры можно было продолжить до бесконечности. Во

¹⁴ Битва при Азенкуре. – 25. 10. 1415 г. английская армия, возглавляемая королем Генрихом V, под Азенкуром (селением южнее Кале) разбила французское войско.

¹⁵ Аретино, Пьетро (1492–1556) – итальянский писатель, драматург, публицист, гуманист эпохи Возрождения, был известен своими язвительными, остроумными памфлетами против папского двора и монархов Европы, получил прозвище «бич государей».

Франции, и притом в самую значительную эпоху ее истории, ни одной женщине, если не считать Брунгильды¹⁶ или Фредегонды, не пришлось так пострадать от народной молвы, как Екатерине Медичи¹⁷, в то время как Марии Медичи, все действия которой были направлены во вред стране, удалось избежать позора, хотя она его заслужила. Мария растратила богатства, накопленные Генрихом IV; ей так и не удалось смыть с себя обвинение в том, что она знала о готовившемся цареубийстве; любовником ее был д'Эпернон, который не отразил удара Равальяка и который к тому же давно и хорошо знал убийцу. Она вынудила своего сына изгнать ее из Франции, где она подстрекала своего второго сына, Гастона, к мятежам. Наконец, кардинал Ришелье, обманувший ее в день 11 ноября¹⁸, обязан своей удачей исключительно тому, что показал Людовику XIII секретные документы, относившиеся к смерти Генриха IV. Что же касается Екатерины Медичи, то

¹⁶ Брунгильда – жена короля северо-восточных франков Зигибера (VI в.), властная и жестокая; в истории известна ее вражда с Фредегондой, второй женой короля западных франков: Фредегонда отравила первую жену короля Хильдерика I – сестру Брунгильды.

¹⁷ Мария Медичи (1573–1642) – французская королева, вторая жена Генриха IV; после убийства Генриха IV правила страной во время малолетства Людовика XIII; во главе непокорной знати воевала затем с сыном, была им изгнана из Франции в 1630 году.

¹⁸ ...в день 11 ноября... – 11 ноября 1630 года (День одураченных) придворные аристократы, вдохновляемые королевой Марией Медичи, попытались устранить кардинала Ришелье, фактического правителя Франции. Эта попытка кончилась неудачей.

она, напротив, спасла французскую корону; она поддержала королевский престиж при таких обстоятельствах, когда мало кто из великих монархов удержался бы на престоле. Она имела дело с мятежниками и честолюбцами, вроде Гизов¹⁹ и дома Бурбонов²⁰, с такими людьми, как оба Лотарингских кардинала²¹ и оба Балафре²², оба принца Конде²³, королева Жанна д'Альбре²⁴, Генрих IV, коннетабль²⁵ Монморанси,

¹⁹ *Гизы* – герцоги Гизы – крупные французские феодалы, младшая ветвь так называемого Лотарингского дома, владевшего некогда Лотарингией, потомки Карла Великого, претендовали на французский престол; в XVI веке герцоги Гизы возглавляли католическую партию.

²⁰ ...*дом Бурбонов* – боковая ветвь королевского рода Капетингов, к которому принадлежала также и царствовавшая в XVI веке династия Валуа

²¹ *Лотарингские кардиналы* – Шарль де Гиз, кардинал Лотарингии, и его брат кардинал Людовик Лотарингский; имели в XVI веке большое влияние при французском дворе.

²² Оба Балафре. – Балафре (*фр.*) – изуродованный шрамом, меченый – прозвище двух герцогов де Гиз: Франсуа, имевшего большое влияние на короля Франциска II, сына Екатерины Медичи, так как жена короля – Мария Стюарт – была его племянницей, и его старшего сына Генриха де Гиз.

²³ Оба принца Конде – представители боковой ветви дома Бурбонов, возглавляли партию протестантов, выступавшую против влияния партии Гизов. Принц Луи Конде (1530–1569) – глава протестантов (кальвинистов), дядя Генриха Бурбона Наваррского (Генриха IV), возглавлял Амбуазский заговор протестантов в 1560 году. Принц Генрих Конде – его сын, двоюродный брат Генриха Наваррского.

²⁴ Жанна д'Альбре (1528–1572) – королева Наваррская, жена Антуана Бурбона, мать Генриха д'Альбре, ставшего после смерти отца королем Наваррским, а впоследствии, в 1594 году, французским королем Генрихом IV, положившим начало династии Бурбонов.

²⁵ Коннетабль – до 1627 года главнокомандующий французской армии.

Кальвин²⁶, Колиньи²⁷, Теодор де Без²⁸, и ей приходилось проявлять исключительные способности, обнаруживать ценнейшие для государственного деятеля черты характера под огнем насмешек всей кальвинистской клики. Вот факты, в которых совершенно не приходится сомневаться. Итак, стоит поглубже заглянуть в историю Франции XVI века, и мы увидим, что Екатерина Медичи является великой государыней. Когда рассеется клевета и собранные ценою немалых усилий факты опровергнут все противоречивые памфлеты и лживые измышления, только тогда обнаружатся настоящие достоинства этой необыкновенной женщины, не подверженной ни одной из слабостей своего пола, женщины, умевшей сохранить целомудрие в то время, как вокруг, среди придворных, процветали самые распущенные в тогдашней Европе нравы, женщины, которая, несмотря на недостаток средств, сумела воздвигнуть восхитительные памятники как бы в противовес всем разрушениям, причиненным кальвинистами, одинаково вредившими и государству и искусству.

Теснимая с одной стороны герцогами Лотарингскими, которые называли себя наследниками Карла Великого, а с дру-

²⁶ Кальвин – см. примеч. к стр. 7.

²⁷ Колиньи, Гаспар де Шатийон (1519–1572) – французский адмирал с 1552 года, один из вождей гугенотов, отличался большой храбростью, был убит католиками.

²⁸ Теодор де Без (1519–1605) – ближайший ученик Кальвина, возглавлял кальвинистскую религиозную общину во Франции, талантливый проповедник.

гой – младшей ветвью королевской фамилии²⁹, которая хотела, заняв престол, изгладить следы измены коннетабля Бурбона³⁰, Екатерина оказалась вынужденной обрушиться на еретиков, готовых растерзать монархию. Одна, без друзей, обнаружив измену среди главарей католиков и республиканский дух среди кальвинистов, она пустила в ход самое опасное, но вместе с тем и самое верное в политических делах оружие – ловкость! Она решила сначала обмануть ту партию, которая хотела уничтожить династию Валуа, потом – Бурбонов, стремившихся захватить престол, и, наконец, реформатов, радикалов того времени, которые мечтали о немыслимой республике, подобно радикалам наших дней, которым, собственно говоря, нечего реформировать. Вот почему до самой ее смерти династия Валуа удержалась на престоле. Наш знаменитый де Ту³¹ хорошо понимал, какова была роль Екатерины, – узнав, что она умерла, он воскликнул:

«Нет, умерла не женщина, умерла королевская власть!»

У Екатерины Медичи действительно в очень сильной степени было развито это сознание королевской власти; потому она и защищала ее с удивительнейшим упорством. Все, в чем писатели-кальвинисты упрекали ее, составляет как раз

²⁹ Младшая ветвь королевской фамилии – то есть Бурбонский дом.

³⁰ ...следы измены коннетабля Бурбона. – Коннетабль Шарль Бурбон (1490–1527) в 1524 г. перешел на службу к испанскому королю и германскому императору Карлу V и воевал против Франции.

³¹ Де Ту, Жак-Опостен (1553–1617) – французский историк, автор книги «История моего времени».

ее славу; если бы она не пустила в ход это средство, не было бы и побед. Могла ли она победить, не прибегая к хитрости! В этом все дело. Что же касается насилия, то здесь мы сталкиваемся с одной из самых сложных политических проблем. В наши дни проблему эту решили совсем просто, водрузив на площади огромную каменную глыбу, привезенную из Египта³², чтобы предать забвению цареубийство и воздвигнуть памятник той материалистической политике, которая властвует над нами; ее решили у кармелитов и в Аббатстве³³; ее решили на ступеньках церкви св. Роха³⁴, ее решили в 1830 году³⁵ у стен Лувра, где народ еще раз выступил против короля, так же, как вскоре ее решила лучшая из республик³⁶ – республика Лафайета, подавляя восстания республи-

³² ...водрузив на площади огромную каменную глыбу, привезенную из Египта. – Имеется в виду Луксорский обелиск, воздвигнутый в Фивах при Рамзесе II (прав. 1137–1251 гг. до н. э.) и в 1831 г. подаренный Мехметом-Али французскому королю Луи-Филиппу; в 1836 г. обелиск был установлен в Париже на площади Согласия.

³³ Аббатство – то есть тюрьма аббатства Сен-Жермен-де-Пре в Париже; во время якобинского террора 1792 года там находились лица, осужденные революционным трибуналом.

³⁴ ...ее решили на ступеньках церкви св. Роха... – В 1815 году народ взломал двери церкви св. Роха, так как настоятель церкви отказался хоронить известную трагическую актрису, мадемуазель Рокур.

³⁵ ...ее решили в 1830 году... – то есть во время Июльской буржуазной революции 1830 года, свергнувшей Реставрацию.

³⁶ ...ее решила лучшая из республик – республика Лафайета, подавляя восстания республиканцев на улицах Сен-Мерри и Транснонен. – Слова «вот лучшая из республик» приписываются Лафайету, так он представил в 1830 году народу

канцев на улицах Сен-Мерри и Транснонен. Всякая власть, как законная, так и незаконная, вынуждена защищаться, когда на нее нападают. Но вот что удивительно: победа народа над кучкой знати объявляется героизмом, в то время как правителя, единоборствующего с народом, называют убийцей. А если, применив силу, правитель в конце концов терпит крах, он слывет глупцом. Ту же самую беду, которая грозила Карлу X и от которой он хотел избавиться двумя королевскими ордонансами³⁷, теперешнее правительство пытается устранить двумя законами. Нет ли в этом горькой насмешки? Позволено ли государю отвечать на хитрость хитростью? Следует ли ему убивать тех, кто замышляет убить его самого? Революция сопровождается такими же убийствами, как и Варфоломеевская ночь³⁸. Заняв место короля, народ расправляется со знатью и с королем, точно так же как знать и король в XVI веке расправлялись с мятежниками. Поэто-

герцога Орлеанского, возведенного затем на престол под именем Луи-Филиппа. 6 июля 1832 года в Париже вспыхнуло республиканское восстание. Центром героического вооруженного сопротивления республиканцев стали баррикады, примыкавшие к монастырю Сен-Мерри. В 1834 году в Париже началось восстание республиканцев в знак солидарности с восставшими рабочими в Лионе. В течение двух дней (13, 14 апреля) восставшие оказывали героическое сопротивление правительственным войскам. Группа восставших, в том числе много женщин, была зверски расстреляна на улице Транснонен.

³⁷ Королевские ордонансы – см. прим. к стр. 10 (о произведенном принцем Полиньяком государственным перевороте).

³⁸ Варфоломеевская ночь – массовая резня гугенотов (протестантов) католиками, устроенная по приказу королевы-матери Екатерины Медичи в Париже в ночь на 24 августа 1572 года под праздник святого Варфоломея.

му-то есть вещи, которые нельзя простить нашим популярным писателям: они возводят хулу на Екатерину Медичи и Карла IX, хотя отлично знают, что, будучи на их месте, народ поступил бы точно так же.

Всякая власть, говорил Казимир Перье, разъясняя, какую должна быть власть, – это беспрерывные заговоры. Мы восхищаемся, когда писатели дерзают печатать максимы, направленные против всего общества в целом; почему же мы так неблагосклонно встречаем истины, раскрывающие подоплеку общественной жизни и обнародованные писателями-смельчаками? Одного этого обстоятельства достаточно, чтобы объяснить все ошибки истории. Попробуйте применить этот вывод к разрушительным доктринам, которые потворствуют разгулу страстей черни, и к консервативным учениям, которыми подавляют дикие и безрассудные выходки толпы, и вы поймете, на чем зиждется популярность или непопулярность тех или других исторических личностей. Какие-нибудь Лобардемон³⁹ и Лаффема⁴⁰, подобно многим нашим современникам, с величайшею преданностью защищали власть, в которую они верили. Солдаты или судьи, они

³⁹ Лобардемон, Жан Мартин – парижский государственный судья, один из ближайших помощников кардинала Ришелье (XVII в.), покорный исполнитель его воли.

⁴⁰ Лаффема, Исаак – государственный советник, один из исполнителей политики Ришелье, организатор нескольких процессов против дворянской знати, сопротивлявшейся Ришелье.

одинаково покорялись власти. В наши дни д'Ортез⁴¹ был бы смещен за невыполнение министерских приказов, а Карл IX оставил его губернатором своей провинции. Когда у власти стоят все, она не считается ни с кем; когда у власти стоит один человек, он вынужден считаться со своими подданными, как с большими, так и с малыми.

Екатерина Медичи, так же как и Филипп II⁴², герцог Альба⁴³, как Гизы и кардинал Гранвелла⁴⁴, поняла, какое будущее Реформация готовила Европе! Все они видели крушение монархий, власти, религии. Екатерина, сидя в кабинете французских королей, без промедления начертала смертный приговор тому пытливому разуму, который угрожал всему современному обществу, приговор, исполнителем которого стал в конце концов Людовик XIV. Отмена Нантского эдик-

⁴¹ Д'Ортез, Анри – королевский наместник в городе Байонна (XVI в.). Ему присылается следующий ответ на приказ короля Карла IX уничтожить протестантов: «Сир, я довел приказ Вашего величества до сведения верноподданных жителей и военных людей Вашего города Байонны; в этом городе я знаю хороших граждан, храбрых солдат, но я не нашел ни одного палача».

⁴² Филипп II (1527–1598) – испанский король, жестокий фанатик католицизма, опирался на инквизицию в борьбе с «еретиками», свирепо расправлялся со всеми оппозиционными элементами.

⁴³ Герцог Альба, Фернандо Альварес де Толедо – испанский полководец, государственный деятель, наместник Нидерландов, где вызвал всеобщую ненависть своей фанатической жестокостью (XVI в.).

⁴⁴ Кардинал Гранвелла, Антуан – служил министром в правительстве испанских королей Карла I (Карла V) и Филиппа II, преследовал протестантов.

та⁴⁵ оказалась неудачной мерой только оттого, что Европа была раздражена поведением Людовика XIV. В другое время Англия, Голландия и Империя не стали бы давать приюта французским изгнанникам и помогать восставшим.

Зачем же теперь отказывать этой женщине – противнице самой бесплодной из когда-либо существовавших ересей – в том величии, которое она обрела в этой борьбе? Кальвинисты немало написали в осуждение коварных замыслов Карла IX; но поездите по Франции: стоит вам увидеть развалины ее прекрасных церквей, стоит только подумать об огромном уроне, который кальвинисты нанесли государству, стоит только вспомнить, как они отвечали двойным ударом на удар, стоит только прочувствовать все зло индивидуализма, язвы теперешней Франции, которую породили вопросы свободы совести, поднятые ими же самими, и вы спросите себя: «Кто же настоящие палачи?» Как говорит Екатерина (в третьем разделе нашего труда), «к несчастью, во все эпохи существуют лицемерные писатели, готовые проливать слезы по поводу двух сотен своевременно убитых негодяев». Цезарь, пытавшийся пробудить в сенате жалость к партии Катилины⁴⁶, вероятно, одержал бы верх над Цицероном, если

⁴⁵ Нантский эдикт – эдикт, изданный в 1598 году французским королем Генрихом IV и предоставлявший протестантам (гугенотам) свободу вероисповедания, а также богослужения в городах (кроме Парижа и некоторых других), замках и ряде сельских местностей; был отменен частично в 1629 г., полностью в 1685 году Людовиком XIV.

⁴⁶ Катилина, Луций (108—62 гг. до н. э.) – римский политический деятель;

бы в его распоряжении были газеты и оппозиция.

Есть еще одно обстоятельство, объясняющее, почему Екатерина Медичи попала в немилость у истории и народа. Оппозиционерами во Франции всегда были протестанты в силу того, что вся политика их зиждется на отрицании; оппозиция унаследовала лютеранские, кальвинистские и протестантские толкования таких страшных слов, как «свобода», «терпимость», «прогресс» и «философия». Оппозиционеры – противники существующей власти – потратили целых два столетия, чтобы утвердить сомнительное положение о свободе воли. Еще два столетия ушло на то, чтобы развить первый королларий⁴⁷ этой свободы воли – свободу совести. Наш век пытается утвердить второй – политическую свободу.

Находясь на рубеже проторенных и еще не пройденных дорог, Екатерина и церковь провозгласили спасительный для современного общества принцип *una fides, unus dominus*⁴⁸, воспользовавшись своим правом распоряжаться жизнью и смертью всех обновителей. Они потерпели поражение, но последующие столетия показали, что Екатерина была права. Результат свободы воли, свободы религии и политической свободы (не будем смешивать ее со свободой гражданской) – это Франция наших дней. А что такое Франция 1840 года?

стремясь стать консулом, организовывал заговоры, при помощи демагогических обещаний привлекал на свою сторону часть римского плебса. Политику Каталины разоблачал в своих речах в Сенате политический деятель и оратор Цицерон.

⁴⁷ Королларии – следствие из уже установленной истины (*лат.*).

⁴⁸ Единая вера, единый бог (*лат.*).

Страна, поглощенная исключительно материальными интересами, страна без патриотизма, страна без совести, страна, где власть бессильна, где в результате свободы воли и политической свободы на выборах торжествует всегда посредственность, страна, где стало необходимо применять грубую силу против народных буйств, где дискуссия, распространившаяся на все мелочи жизни, обрекает государство на бездействие, где над всем властвует капитал и где индивидуализм – ужасный результат бесчисленных делжей наследства, уничтожающих семью, – готов пожрать все на свете, даже самую нацию, которую тот же эгоизм когда-нибудь предаст врагу. Мы скажем: «А почему не царь?», так же как мы говорили: «А почему не герцог Орлеанский?» Для нас это не составляет значительной разницы, а лет через пятьдесят будет и совершенно все равно.

Итак, по мнению Екатерины, по мнению всех тех, кто хочет благоустроенного общества, у человека этого общества, у подданного не должно быть свободы воли! Он не должен *исповедовать* догму свободы совести и не должен обладать политической свободой. Но так как ни одно общество не может существовать без известных гарантий, которые государь дает своим подданным, то в результате подданные пользуются своими *свободами* с некоторыми ограничениями. Свободы в собственном смысле слова нет, – но есть отдельные свободы, есть свободы определенные и ясно очерченные. Вот каково истинное положение вещей. Разумеется, воспрепятствовать

свободе мысли — это свыше человеческих сил, и ни один государь не может посягнуть на капитал. Великие политические деятели, которые были побеждены в этой долгой борьбе (она продолжалась пять веков), предоставляли своим подданным значительные свободы, однако они не позволяли печатать враждебные существующему порядку мысли, и свобода их подданных не была безграничной. Для них слова *подданный* и *свобода* — это два политических термина, взаимно исключающие друг друга, точно так же как слова *равные во всех отношениях* граждане звучат нелепо, и жизнь ежечасно разоблачает эту бессмыслицу.

Признавать необходимость религии, необходимость власти и вместе с тем оставить за подданными право отрицать эту религию, нападая на ее обряды, право противиться приказаниям властей, публично выражать свои мнения, которые могут передаваться другим, — все это вещь немыслимая, и католики XVI века не хотели этого допустить. Увы! Победа кальвинистов будет стоять Франции еще дороже, чем она стоила до сих пор, потому что различные секты: религиозные, политические, гуманистические, уравниательные и т. п. — в наши дни идут по стопам кальвинистов. Ошибки правительства, его презрение к разуму, его пристрастие к материальным ценностям, в которых оно ищет опоры, в то время как эти ценности — самое эфемерное, самое недолговечное из всего, что существует на свете, неминуемо приведут к тому, что дух разрушения снова восторжествует над жела-

нием сохранить старый порядок. Нападающие стороны, которым нечего терять и у которых все впереди, отлично сговорятся друг с другом, в то время как их богатые противники не захотят пожертвовать ровно ничем, чтобы найти себе защитников, – ни самолюбием, ни деньгами.

На помощь оппозиции, зачинщиками которой были альбигойцы⁴⁹ и вальденцы, явилось книгопечатание. Когда человеческая мысль, вместо того чтобы замыкаться в себе – а в былые времена ей это приходилось делать, чтобы быть понятой, – переодевается в разнообразнейшие одежды и становится достоянием народа, как бы теряя тем самым свою божественность и неоспоримость, появляется два вида изобилия, с которыми надо бороться: множественность мыслей и множественность людей. Королевская власть потерпела поражение в этой борьбе, и в наши дни во Франции мы являемся свидетелями того, как она объединяется с такими элементами, которые делают ее существование трудным или даже просто невозможным. Властвовать всегда означает *действовать*, а принцип, на котором основаны все выборы, – это *обсуждение*. Никакие политические мероприятия невозмож-

⁴⁹ Альбигойцы – сторонники религиозной ереси катаров, не признававших церковных обрядов, проповедовавшие бедность. Название получили от города Южной Франции – Альби, были уничтожены во время Альбигойских войн (1209–1229), организованных папой Иннокентием III. Вальденсы – сторонники религиозной ереси, распространенной в конце XII века в Южной Франции и Северной Италии, утверждали греховность мира и собственности, проповедовали бедность и покаяние.

ны, если обсуждение стало системой. Поэтому нельзя не признать величия женщины, которая сумела предвидеть такое будущее и которая так храбро вступила с ним в единоборство. Если Бурбоны смогли занять место династии Валуа, если они сумели захватить престол, то они обязаны этим Екатерине Медичи. Представьте себе, что второй Балафре⁵⁰ еще держался бы; тогда, как бы ни был силен беоарнец⁵¹, сомнительно, чтобы он мог завладеть короной, – ведь даже победа над герцогом Майенским и над остатками партии Гизов досталась ему дорогой ценою. Заметьте, что современные писатели-кальвинисты обвиняют Екатерину Медичи вовсе не в необходимых мерах, принятых ею в отношении Франциска II и Карла IX; а между тем оба ее сына умерли как раз вовремя, чтобы принести ей спасение, и в смерти их она действительно была повинна. Если здесь даже и не было отравления, как утверждали авторитеты, налицо были интриги еще более преступные: нет никакого сомнения в том, что она помешала Амбруазу Паре⁵² спасти одного и что другого она изводила медленной нравственной пыткой. Внезапная смерть Франциска II и смерть Карла IX, подготовленные с таким коварством, ни в какой степени не затрагивали интересы кальви-

⁵⁰ Второй Балафре – то есть герцог Генрих де Гиз – противник Генриха Бурбона Наваррского.

⁵¹ Беоарнец – прозвище короля Генриха IV (1553–1610). Беоарн – провинция в Южной Франции, где он родился.

⁵² Паре, Амбруаз (1517–1590) – знаменитый французский хирург.

нистов; корнями эти события уходили в самые высокие сферы, и ни писателям того времени, ни народу не могло прийти в голову заподозрить Екатерину; догадаться об этом могли только разве де Ту, Лопиталь⁵³, самые возвышенные умы или главари обеих партий, которые, добиваясь короны или, напротив, защищая ее, позволяли себе прибегать к подобным средствам. Как ни странно, народные песенки нападают на Екатерину Медичи за ее нравы. Известен анекдот о солдате, который, жаря гуся в караульном помещении Турского замка во время переговоров Екатерины с Генрихом IV, распевал песенку, оскорбительную для королевы: в этой песенке она сравнивалась с пушкой самого крупного калибра, какие тогда были у кальвинистов. Генрих IV выхватил шпагу и собирался убить солдата. Екатерина удержала его и только крикнула обидчику:

– Гуся-то этого ты получил от Екатерины!

Ввиду того, что амбуазские казни приписали Екатерине Медичи, что кальвинисты сочли эту замечательную женщину виновницей всех несчастий, неизбежных в подобной борьбе, с ней случилось то же самое, что позднее произошло с Робеспьером, судить которого должно потомство. К тому же Екатерина была жестоко наказана за предпочтение, оказанное ею герцогу Анжуйскому, которое заставило ее пренебречь двумя старшими сыновьями. Генрих III, как и все

⁵³ Лопиталь, Мишель (1507–1573) – французский политический деятель, канцлер Франции, стремился примирить католиков с гугенотами.

избалованные дети, относился к матери с совершенным безразличием; он предался разврату, и разврат сделал его таким, каким его мать сделала Карла, – супругом, не могущим иметь детей, королем без наследников. К несчастью, герцог Алансонский, последний из сыновей Екатерины, умер, и смерть его была естественной. Само собой разумеется, Екатерина всячески старалась обуздать дурные страсти своего сына. История сохранила воспоминание об ужине с обнаженными женщинами, устроенном в галерее замка Шенонсо, когда Генрих III вернулся из Польши. Но и это не помогло ему избавиться от дурных привычек. Последние слова этой великой королевы подводят итог ее политике, политике, в такой степени исполненной здравого смысла, что и теперь все правительства при сходных обстоятельствах к ней прибегают.

«Мы хорошо все распороли, сын мой! – сказала она, лежа на смертном одре, когда Генрих III пришел к ней с известием о том, что враг короля убит, – теперь все надо сшить снова».

Она хотела этим сказать, что для спасения короны следовало немедленно примириться с Лотарингским домом, что единственным средством парализовать ненависть Гизов было вселить в них надежду захватить трон. Но эта непрестанная женская хитрость, хитрость итальянки, которую она всегда пускала в ход, никак не вязалась с распутной жизнью Генриха III. Стоило его замечательной матери (*mater castrorum*) умереть, как с ней вместе умерла и политика Валуа.

Прежде чем начать писать историю нравов в действии, автор этого исследования терпеливо и подробно изучил эпохи важнейших в истории Франции царствований, вражду бургиньонов и арманьяков⁵⁴, Гизов и Валуа, каждая из которых продолжалась по целому столетию. Целью его было создать живописную историю Франции. Изабелла Баварская⁵⁵, Екатерина и Мария Медичи – вот три женщины, которые занимают в ней главное место начиная с XIV и кончая XVII веком, вплоть до воцарения Людовика XIV. Из этих трех королев прекраснее и интереснее всех Екатерина. Она властвовала мужественно, и правление ее не было запятнано ни кровавыми любовными похождениями Изабеллы, ни еще более ужасными, хотя и менее известными страстями Марии Медичи. Изабелла призвала во Францию англичан, чтобы идти с ними на своего сына, она вступила в любовную связь со своим деверем, герцогом Орлеанским и Буабурдоном. На совести Марии Медичи еще более тяжкие преступления. Ни та, ни другая не были способны к политической деятельности. Изучая и сравнивая эти три царствования, автор убедился в величии Екатерины: вникая во все необычайные трудности, связанные с ее положением, он понял, до какой степени

⁵⁴ Вражда бургиньонов и арманьяков. – Имеются в виду распри двух феодальных партий: арманьяков – сторонников герцога Орлеанского, во главе которых после убийства герцога стоял граф д'Арманьяк, и бургиньонов, сторонников герцога Бургундского (XV в.).

⁵⁵ Изабелла Баварская – жена французского короля Карла VI (XV в.); узнав о ее любовной связи с дворянином Буабурдоном, король сослал ее в Тур.

историки, находившиеся под влиянием протестантизма, были несправедливы к этой королеве. Он кончил тем, что написал три нижеследующих этюда; он опровергает в них те ошибочные мнения, которые сложились о Екатерине Медичи, об окружающих ее лицах и о событиях ее эпохи. Если настоящий труд оказался включен в «Философские этюды», то потому, что он раскрывает дух определенной эпохи и влияние мысли на жизнь общества. Но прежде чем перейти к области политики и говорить о борьбе Екатерины с двумя огромными препятствиями, с которыми она столкнулась на своем пути, необходимо вкратце рассказать о ее предшествовавшей жизни. И говорить о ней надо с точки зрения беспристрастного критика с тем, чтобы читатель мог узнать, как сложилась жизнь этой великой государыни до того самого момента, с которого начинается первая часть этого труда.

Никогда, ни в какие времена, ни в какой стране, никакие правители не относились с большим презрением ко всякой законности, чем представители знаменитого рода Медичи, имя которых во Франции произносили Медисис. К власти они относились так, как в наши дни к ней относятся в России. Любой правитель, которому достался престол, признается законным. Мирабо⁵⁶ был прав, говоря: «В роду у меня был только один мезальянс – это Медичи», – ибо, несмотря

⁵⁶ Мирабо, Оноре Габриэль Рикети (1749–1791) – видный деятель первого этапа французской буржуазной революции 1789–1794 годов, либерального дворянства и крупной буржуазии.

на все усилия специально нанятых генеалогов, совершенно очевидно, что Медичи, происходившие от Дверардо Медичи, ставшего в 1314 году гонфалоньером⁵⁷ Флоренции, были обыкновенными флорентинскими купцами, которые со временем сильно разбогатели. Первым представителем этого рода, получившим известность в истории знаменитой тосканской республики, был Сальвестро Медичи, который сделался гонфалоньером в 1378 году. У Сальвестро было два сына, Козимо и Лоренцо Медичи.

Потомками Козимо были Лоренцо Великолепный, герцог Немурский, герцог Урбино – отец Екатерины, папа Лев X, папа Климент VII и Алессандро, который был не герцогом флорентинским, как это принято думать, а герцогом della citta di Penna⁵⁸ – титул, дарованный ему папой Климентом VII, чтобы подготовить его к титулу великого герцога Тосканского.

Потомками Лоренцо были: флорентинский Брут⁵⁹ Лоренпино – убийца герцога Алессандро, Козимо – первый из великих герцогов – и все правители Тосканы вплоть до 1737

⁵⁷ Гонфалоньер – должностное лицо в городах-республиках Италии, командовал ополчением города и обладал исполнительной властью.

⁵⁸ Города Пенны (*ит.*).

⁵⁹ Флорентинский Брут. – Брут, Марк Юний (85–42 гг. до н. э.) – один из организаторов заговора против Юлия Цезаря, стремившегося уничтожить в Риме республиканскую форму правления. Флорентинским Брутом Бальзак называет Лоренцо Медичи, убившего своего двоюродного брата – флорентинского герцога Алессандро Медичи, жестокого деспота.

года, когда род Медичи угасает.

Но ни в той, ни в другой из этих двух ветвей, ни в ветви Козимо, ни в ветви Лоренцо, бразды правления не переходят по прямой линии до того момента, пока в поработоченной отцом Марии Медичи Тоскане титул великого герцога не начинают передавать по наследству. Например, Алессандро Медичи, получивший титул герцога della citta di Penna и погибший от руки Лоренцино, был сыном герцога Урбино – отца Екатерины – и невольницы-мавританки. Поэтому Лоренцино, будучи законным сыном Лоренцо, дважды имел право убить Алессандро – и как узурпатора в своей семье, и как тирана всего города. Некоторые историки считают, что Алессандро был сыном Климента VII. Этот незаконнорожденный был признан главою республики и главою рода Медичи после того, как он женился на Маргарите Австрийской, незаконной дочери Карла V.

Франческо Медичи, супруг Бьянки Капелло⁶⁰, усыновил ребенка из простой семьи, купленного этой знаменитой венецианкой. И, удивительное дело, воцарившийся после Франческо Фердинандо сохранил за приемышем все права. В течение целых четырех царствований считалось, что дон Антонио Медичи – так звали этого мальчика – принадлежит к роду Медичи. Он завоевал всеобщую любовь к себе, ока-

⁶⁰ Бьянка Капелло – дочь венецианского патриция, убежала из дому со своим возлюбленным; брошенная им, стала фавориткой, а позже женой герцога Франческо Медичи (XVI в.).

зал своему роду немаловажные услуги, и все оплакивали его кончину.

Почти у каждого из первых Медичи были незаконные дети, и судьбы этих детей всегда складывались блестяще. Так, например, кардинал Медичи, ставший папой под именем Климента VII, был незаконным сыном Джулиано I. Кардинал Ипполито Медичи был точно так же незаконнорожденным, и он тоже чуть было не стал папой и главою своего рода.

Один из сочинителей анекдотов вкладывает в уста герцога Урбино, отца Екатерины Медичи, следующие слова, которые тот будто бы сказал своей дочери: *A figlia d'inganno non manca mai la figliuolanza* (Умная девушка всегда сумеет стать матерью). Сказано это было, когда речь зашла о физическом недостатке ее жениха Генриха, второго сына Франциска I. Лоренцо II Медичи, отец Екатерины, который в 1518 году вторым браком женился на Мадлене де Латур д'Овернь, умер 28 апреля 1519 года, через несколько дней после того, как, произведя на свет Екатерину, его жена умерла от родов. Таким образом, с первых же дней жизни Екатерина осталась круглою сиротою. Вот чем объясняются необыкновенные переживания ее детства, отмеченного кровавыми столкновениями стремившихся вернуть себе свободу флорентинцев с Медичи, которые хотели быть правителями Флоренции и при этом действовали настолько осторожно, что отец Екатерины ограничился титулом герцога Урбино. После смерти Лоренцо, отца Екатерины, законным главою рода Меди-

чи сделался папа Лев X; он поставил правителем Флоренции незаконного сына Джулиано, Джулио Медичи, который в то время был кардиналом. Лев X был двоюродным дедом Екатерины, и упомянутый кардинал Джулио, сделавшийся потом папой Климентом VII, приходился ему дядей только по морганатической линии. Поэтому Брантом⁶¹ столь остроумно назвал его «дядюшкою со стороны божьей матери».

Когда Медичи осадил Флоренцию, чтобы вернуться в город, республиканцы, не удовлетворившись тем, что лишили Екатерину, в ту пору девятилетнюю девочку, всего состояния, заточили ее в монастырь; по предложению некоего Баттисты Чей, там ее хотели поставить на стене между двумя зубцами под артиллерийский огонь. Бернардо Кастильоне пошел еще дальше: на совещании, созванном для того, чтобы завершить дела, он высказал мнение, что Екатерину не только не следует возвращать папе, который требовал ее к себе, но что надо отдать ее солдатам, чтобы те лишили ее чести. Вы видите, насколько все народные революции похожи одна на другую. Политика Екатерины, политика, так высоко ставившая королевскую власть, скорее всего, была подсказана ей подобными сценами: девятилетняя тальянка не могла их забыть.

Возвышение Алессандро Медичи, которому в такой сте-

⁶¹ Брантом, Пьер де Бурдейль (1540–1614) – французский писатель, оставивший множество книг мемуарного характера, хорошо рисующих нравы того времени.

пени способствовал незаконнорожденный папа Климент VII, было, несомненно, вызвано тем, что сам он был незаконным сыном, и тем, что Карл V очень любил свою внебрачную дочь Маргариту. Таким образом, как император, так и папа руководствовались одним и тем же чувством. В ту эпоху Венеция была торговой столицей всего мира, а Рим — его столицей духовной; Италия еще господствовала над всем миром благодаря славе поэтов, полководцев, государственных деятелей, рожденных в ее пределах. Никогда, ни в одной стране не было такого необычайного изобилия талантов. Их было столько, что замечательными людьми оказывались даже самые мелкие ее правители. Невзирая на то, что Италию раздирали непрестанные междоусобные войны, что она была ареной, где сталкивались завоеватели, оспаривавшие друг у друга лучшие ее земли, страна эта была полна всякого рода талантами, героями, учеными, поэтами; там процветали богатство и галантные нравы. Когда люди так сильны, они не боятся признаваться в своей слабости. Отсюда, конечно, и возник этот золотой век незаконнорожденных. К тому же надо отдать справедливость внебрачным детям рода Медичи: они со всею страстью добивались славы, умножения богатств и усиления могущества своего рода. Именно в силу этого стремления, когда герцог della citta di Penna, сын мавританки, сделался тираном во Флоренции, он стал действовать заодно с папой Климентом VII, чтобы спасти дочь Лоренцо II, которой было тогда одиннадцать лет.

Когда изучаешь ход событий и человеческих судеб в этом интереснейшем XVI веке, нельзя забывать, что одним из элементов тогдашней политики была хитрость, которая разрушала в ее деятелях прямоthu характера, ту широкую цельность, которая, в нашем представлении, присуща всем выдающимся людям. Именно в этом оправдание Екатерины. Это наблюдение опровергает все банальные и нелепые обвинения, выдвинутые писателями Реформации. Эта эпоха была расцветом той самой политики, кодекс которой был написал Макьявелли⁶² и Спинозой⁶³, Гоббсом⁶⁴ и Монтескье, ибо «Диалог между Суллой и Эвкратом» содержит подлинные мысли Монтескье, а его связи с энциклопедистами не позволяли высказать их иначе. Принципами этими в наши дни тайне руководствуются все правительства, когда они вынашивают какие-нибудь большие захватнические планы. Мы, французы, ругали Наполеона, когда он пускал в ход эти ита-

⁶² Макьявелли, Никколо (1469–1527) – итальянский политический деятель и писатель. В своих трактатах провозглашал идеал правителя, не считающегося для достижения своей цели ни с законами, ни с моральными нормами.

⁶³ Спиноза, Барух (1632–1677) – голландский философ-материалист, автор «Политического трактата», где он утверждал, что наилучшее государственное устройство – демократическое.

⁶⁴ Гоббс, Томас (1588–1679) – английский философ-материалист, во время английской буржуазной революции поддерживал диктатуру Кромвеля; в книге «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» проповедовал необходимость сильной власти, монархическую форму правления.

льянские качества, которые были у него in cute⁶⁵, и разрабатывал замыслы, которые не всегда были удачны. Но Карл V, Екатерина, Филипп II не стали бы вести себя в вопросе об Испании иначе, чем он. Если бы в то время, когда родилась Екатерина, историю изложили бы с точки зрения человеческой порядочности, она показалась бы неправдоподобным романом. Карл V, вынужденный оказывать поддержку католицизму перед лицом нападок со стороны Лютера, который, угрожая тиаре, угрожал и трону, дает согласие на осаду Рима и заключает в тюрьму папу Климента VII. Тот же самый Климент VII, который не знает более лютого врага, чем Карл V, ухаживает за ним, чтобы только сделать Алессандро Медичи правителем Флоренции, и Карл V отдает свою дочь в жены этому незаконнорожденному. Едва только Алессандро приходит к власти, он сговаривается с Климентом, чтобы повредить Карлу V: благодаря посредству Екатерины Медичи он делается союзником Франциска I, вместе с ней он обещает помочь ему снова завоевать Италию. Лоренцино Медичи угодничает перед Алессандро и становится сотоварищем его кутежей, чтобы потом его убить. Филиппо Строцци, один из умнейших людей своего времени, так превозносил это убийство, что поклялся женить обоих своих сыновей на дочерях убийцы. Его сыновья благоговейно выполнили обет отца, невзирая на то, что как тот, так и другой, если бы они воспользовались покровительством Екатерины, мог-

⁶⁵ В крови, букв.: «в коже» (лат.).

ли составить себе блестящие партии: ведь один из них мог славою соперничать с Дориа, а второй был маршалом Франции. Козимо Медичи, преемник Алессандро, не связанный, однако, с ним никакими узами родства, самым жестоким образом отомстил за смерть этого тирана, причем план отмщения созрел в течение двенадцати лет, и это время он все так же страстно ненавидел людей, которые в конечном итоге привели его к власти. Когда его сделали правителем, ему было только восемнадцать лет; он начал с того, что аннулировал все права законных сыновей Алессандро. И он сделал это в то время, когда мстил за смерть Алессандро!.. Карл V утвердил лишение своего внука наследства и признал за Козимо право называться сыном Алессандро. Придя к власти благодаря помощи кардинала Чибо, Козимо тут же подвергнул кардинала изгнанию. А кардинал Чибо обвинил Козимо, первого из великих герцогов и своего ставленника, в том, что тот хочет отравить сына Алессандро Медичи. Великий герцог, боясь потерять власть, как того же боялся и Карл V, подобно этому императору, отказался от престола в пользу своего сына Франческо, предварительно убив своего другого сына, дона Гарсию, в отмщение за смерть кардинала Джованни Медичи, которого Гарсиа убил. Козимо I и его сын Франческо вместо того, чтобы хранить верность французскому двору, единственной силе, в которой он мог найти поддержку, сделали лакеями Карла V и Филиппа II и тем самым тайными, подлыми и коварными врагами Екатерины Меди-

чи, женщины, столь прославившей их род. Вот в основном нелепые противоречия, интриги и алые козни внутри одного только рода Медичи. То же самое можно сказать и о других правителях Италии и Европы. Все посланники Козимо I при французском дворе в числе прочих секретных инструкций получали распоряжение отравить Строцци, родственника королевы Екатерины, если они его где-либо встретят. По приказу Карла V было убито три посла Франциска I.

В начале октября 1533 года герцог della citta di Penna отправился из Флоренции в Ливорно в сопровождении единственной наследницы Лоренцо II, Екатерины Медичи. Герцог и принцесса Флорентинская, ибо четырнадцатилетняя девочка носила тогда этот титул, покинули город в сопровождении множества челяди, служащих, секретарей. Шествие возглавляли латники, замыкал его отряд легкой кавалерии. Юная принцесса не представляла себе, что ее ждет, и могла только предполагать, что в Ливорно состоится свидание герцога Алессандро с папой. Однако дядя ее Филиппо Строцци вскоре раскрыл ей, с какой целью ее туда везли.

Филиппо Строцци женился на Клариче Медичи, единокровной сестре Лоренцо Медичи, герцога Урбино, отца Екатерины. Однако брак этот, целью которого было не только перетянуть на сторону Медичи одного из самых надежных столпов народной партии, но и обеспечить возвращение представителей рода Медичи, находившихся в то время в изгнании, нисколько не повлиял на этого неукротимого борца,

которого его собственная партия преследовала за этот брак. Несмотря на то, что внешне его поведение под влиянием этого союза в какой-то степени изменилось, в душе он остался верен народной партии и сразу же выступил против Медичи, едва только разгадал их намерение поработить Флоренцию. Этот великий человек отказался даже от княжества, предложенного ему папой Львом X. В то время Филиппо Строцци сделался жертвой политики Медичи, средства которой много раз менялись, но цель оставалась неизменно прежней. Ему пришлось на себе испытать все бедствия, которые повлекло за собою пленение Климента VII, когда, захваченный врасплох Колонной, тот укрылся в замке Святого Ангела. А потом не кто иной, как Климент, выдал его и отправил заложником в Неаполь.

Едва только папа был освобожден, он со всею силой обрушился на своих врагов. Строцци едва не поплатился жизнью, и ему пришлось отдать огромную сумму денег, чтобы выйти из тюрьмы, где он находился под строгим надзором. Как только он очутился на свободе, он в порыве простодушия, свойственного всем порядочным людям, решил явиться к Клименту VII, который, вероятно, уже поздравлял себя с тем, что избавился от него. Папе стало, должно быть, стыдно за свое поведение, и он принял Строцци весьма неласково. Таким образом, Строцци, тогда еще совсем юному, пришлось пройти тяжелую школу, испытав на себе все горести, которые выпадают в политике на долю человека честного,

чья совесть не гнется в зависимости от обстоятельств, чьи поступки диктуются одними только благородными побуждениями. Такой человек гоним всеми. Он противится слепым страстям народа, и народ ополчается против него; он обличает злоупотребления власти, и власть его преследует. Жизнь этих великих граждан – сплошное мученичество; их единственная поддержка – громкий голос собственной совести и героическое сознание общественного долга. Они-то одни и диктуют их поступки. В республике Флоренции таких людей было немало: столь же великих, как Строцци, и столь же многосторонних, как их противники из партии Медичи, хотя эти последние и побеждали их своей флорентинской хитростью. Может ли что-нибудь сравниться по благородству с поведением всех участников заговора Пацци⁶⁶ и самого главы этого дома? Коммерческие обороты дома Пацци были огромны, и вот, прежде, чем осуществить свой широкий замысел, он производит все расчеты с Азией, Левантом, с Европой, чтобы в случае, если дело их потерпит крах, купцы, с которыми у него были торговые связи, ничего бы не потеряли. Поэтому приход к власти рода Медичи с XIV по XV век – одна из прекраснейших страниц истории, и она еще до сих пор не написана, несмотря на то, что писать об этих событиях пытались многие даровитые люди. Это никак не история

⁶⁶ Заговор Пацци. – Пацци – флорентинская, республикански настроенная семья, члены которой возглавили в 1478 году заговор против власти дома Медичи, но потерпели поражение.

республики, или общества, или какой-нибудь определенной цивилизации. Это история того, как складывается политический деятель, а политическая история – всегда история поработителей и узурпаторов. По возвращении во Флоренцию Филиппо Строцци возродил там прежнюю форму правления и возвысил другого незаконнорожденного, Ипполито Медичи, и Алессандро, с которым они в ту пору были в союзе. Непостоянство народа его тогда испугало, и, так как он опасался мести Климента VII, он занялся делами огромного торгового дома, который у него был в Лионе и который поддерживал сношения с его банкирами в Венеции, в Риме, во Франции и в Испании. Удивительное дело! Эти люди, несшие на себе всю тяжесть государственных дел и непрестанной борьбы с родом Медичи, не говоря уже о распрях внутри их собственной партии, возложили на себя еще и бремя торговли, или, вернее, торговых спекуляций и всевозможных банковских сделок, а все это, в силу большого количества имевших тогда хождение денежных единиц и обилия фальшивых денег, было предприятием значительно более трудным, чем в наши дни. (Самое слово «банкир» происходит от итальянского слова banco – скамья, на которой они сидели и на которую бросали золотые и серебряные монеты, проверяя их подлинность по звону.) В это время у Филиппо умерла жена, которую он боготворил, и, воспользовавшись этим предлогом, он сумел уклониться от домогательств республиканской партии. А ведь известно, что именно при респуб-

ликанском строе полиция становится особенно грозной, ибо идеей свободы можно оправдать все что угодно, и, прикрываясь ею, каждый становится шпионом. Филиппо вернулся во Флоренцию только тогда, когда этот город вынужден был склониться под игом Алессандро. Но перед этим он отправился к папе Клименту VII, дела которого обстояли довольно хорошо и который поэтому не изменил своего расположения к нему. Победившим Медичи до такой степени нужен был человек, подобный Строцци, хотя бы для того, чтобы обеспечить приход к власти Алессандро, что Клименту удалось убедить его занять место в совете этого незаконнорожденного, который готовился поработить народ, и Филиппо согласился занять кресло сенатора. Но через два с половиной года, точно так же как Сенека и Бурр⁶⁷ во времена Нерона, он стал свидетелем зарождения тирании. Неприязнь к нему народа была так велика, а Медичи, противником которых он был, отнеслись к нему так подозрительно, что теперь он понял, как близка развязка. Поэтому, как только он узнал от герцога Алессандро о предстоящей свадьбе Екатерины с сыном французского короля, которая, быть может, состоится в Ливорно, где встретились жених и невеста, он решил по-

⁶⁷ *Как Сенека и Бурр... он стал свидетелем зарождения тирании.* – Имеется в виду Луций Анней Сенека – философ, драматург и политический оратор. Сенека и военачальник Бурр были воспитателями римского императора Нерона, известного своей жестокостью. По приказанию Нерона Бурр был отравлен. Сенека принял участие в заговоре против императора (65 г. н. э.); видя неудачу заговора, вскрыл себе вены.

ехать во Францию с тем, чтобы не покидать там своей племянницы, которой был нужен наставник. Алессандро, радуясь тому, что избавился от такого неподходящего для Флоренции человека, утвердил это решение, которое давало ему возможность обойтись без убийства, и посоветовал Строщи возглавить свиту Екатерины. В самом деле, чтобы ослепить французский двор, Медичи снарядили блестящую свиту для той, которую они совершенно неправильно называли *флорентинской принцессой* и которая носила также имя герцогини Урбино. Кортеж, во главе которого ехали герцог Алессандро, Екатерина и Строщи, насчитывал более тысячи человек, не считая эскорта и слуг, так что, когда хвост процессии был еще у ворот Флоренции, голова его уже прошла ту деревню за пределами города, где в наши дни изготавливают соломку для шляп.

В народе стали поговаривать о том, что Екатерина собирается выходить замуж за сына Франциска I, вначале это был всего только слух, но после триумфального шествия из Флоренции в Ливорно у тосканцев уже не осталось никаких сомнений на этот счет. Видя все эти приготовления, Екатерина сама заподозрила, что ее готовятся выдать замуж, и ее дядя раскрыл ей, какая неудача постигла дом Медичи, в расчеты которого входило выдать ее за дофина. Герцог Алессандро все еще надеялся, что герцогу Олбени удастся изменить решение французского короля, который стремился купить себе в Италии поддержку рода Медичи, но тем не менее со-

глашался только на брак Екатерины с герцогом Орлеанским. Этот мелочный расчет оказался гибельным для Италии, но, однако, не помешал Екатерине стать королевой.

Этот герцог Олбени, сын Александра Стюарта, брата Джеймса III, короля Шотландии, женился на Анне де Латур де Булонь, сестре Мадлен де Латур де Булонь, матери Екатерины; таким образом, он приходился ей дядею с материнской стороны. Именно с материнской стороны Екатерина была так богата и связана родственными узами со столькими семействами. Как это ни странно, но даже ее соперница Диана де Пуатье и та приходилась ей двоюродной сестрой. Матерью Жана де Пуатье, отца Дианы, была Жанна де Латур де Булонь, тетка герцогини Урбино. По этой линии Екатерина точно так же находилась в родстве и с невесткой своей Марией Стюарт.

Екатерина узнала тогда, что в приданое ей дают деньгами сто тысяч дукатов. Дукат был золотой монетой величиною в один из наших старинных луидоров, но вдвое тоньше. Золото в то время ценилось очень высоко, а так как один нынешний дукат равняется почти двенадцати франкам, то в переводе на наши деньги эта сумма составляет шесть миллионов франков. Можно себе представить, какие обороты делал банкирский дом Филиппо Строцци в Лионе, если его миланская контора могла выплатить эти миллион двести тысяч ливров золотом. Кроме того, Екатерина должна была получить себе в приданое графство Овернь и Лорагэ, а папа Кли-

мент подарил ей еще на сто тысяч дукатов золотых вещей и различных драгоценностей и сделал немало других свадебных подарков, в которых принял участие и сам герцог Алессандро.

Приехав в Ливорно, Екатерина, в то время еще совсем юная, была, несомненно, польщена исключительным великолепием кортежа, который устроил возглавлявший тогда род Медичи папа Климент, ее «дядюшка со стороны Божьей матери», чтобы затмить французский двор. Он прибыл и сам на одной из своих галер, сплошь обитой изнутри темно-красным атласом с золотой бахромой и покрытой тентом из парчи. На этой галере, украшение которой обошлось около двадцати тысяч дукатов, несколько помещений было отведено для невесты Генриха французского; все они были украшены редчайшими из собранных родом Медичи драгоценностей и диковин. Капитаном великолепно одетых гребцов был приор ордена иоаннитов. Папская свита разместилась на трех других галерах. Галеры герцога Олбени, ставшие на якорь подле галер Климента VII, составляли вместе с ними очень внушительную флотилию. Герцог Алессандро представил папе свиту Екатерины; у него было с папой тайное совещание, и на этом совещании он, по-видимому, представил ему графа Себастьяно Монтекукули, который покинул, и, должно быть, несколько неожиданно, свою службу у императора, и двух генералов последнего, Антуана де Лэва и Фердинандо Гонзаго. Не договорились ли между собою оба незаконно-

рожденные, Джулио и Алессандро, сделать так, чтобы герцог Орлеанский стал дофином? Какую награду обещали за это Себастьяно Монтекукули, человеку, который, до того как поступить на службу к Карлу V, изучал медицину? История об этом молчит. К тому же мы увидим, каким туманом неизвестности окутано это событие. Все здесь настолько неясно, что недавно еще авторитетные и вдумчивые историки полагали, что Монтекукули ни в чем не виновен.

Тогда-то папа официально объявил Екатерине, кому ее готовят в жены. Единственное, что удалось сделать герцогу Олбени, и то ценою больших усилий, – это добиться, чтобы французский король сдержал обещание женить на Екатерине своего второго сына. Климент был в таком нетерпении, он до такой степени боялся, что все его планы рухнут в результате какой-либо интриги императора или оттого, что в дело вмешается французская знать, презиравшая род Медичи и противившаяся этому браку, что он немедленно же сел на корабль и отправился в Марсель. Он прибыл туда в конце октября 1533 года. Как ни был богат дом Медичи, роскошь его померкла перед блеском французского двора. Чтобы читатель знал, каких пределов достигло великолепие этих банкиров, достаточно сказать, что вместо двенадцати новых монет папа в качестве свадебного подарка подарил двенадцать монет древних, исключительных по своей исторической ценности, так как все это были уникамы. Но Франциск I, любивший блеск и празднества, превзошел всех. Свадьба Генриха

Валуа и Екатерины продолжалась тридцать четыре дня. Совершенно не к чему пересказывать подробности (их можно найти в любой истории Прованса и города Марселя) знаменитого свидания папы с французским королем, которое дало повод к известной остроте герцога Олбени о том, что следует соблюдать посты; шутка эта, о которой нам рассказывает Брантом, развлекала тогда всех придворных: она характерна для нравов той эпохи. Невзирая на то, что Генрих Валуа был всего двадцатью днями старше Екатерины Медичи, папа потребовал, чтобы оба эти подростка стали фактически мужем и женой в самый день торжества – до такой степени он боялся разных хитростей и уловок, которые были в эти времена в ходу. Историки утверждают, что Климент хотел иметь доказательства супружеской жизни молодых и, чтобы получить их, задержался на тридцать четыре дня в Марселе; он надеялся, что его юная племянница представит ему эти доказательства, ибо, несмотря на свои четырнадцать лет, Екатерина уже достигла половой зрелости. По всей вероятности, не кто иной, как он, расспрашивая новобрачную перед тем как уехать, сказал ей в утешение приписываемые отцу Екатерины знаменитые слова: *A figlia d'inganno non manca mai la figliuolanza.*

Бесплодие Екатерины, продолжавшееся десять лет, объяснялось самыми странными причинами. В наши дни мало кто знает, что по поводу этого обстоятельства в ряде медицинских трактатов высказаны предположения до такой степени

непристойные, что даже рассказать их нельзя. Достаточно хотя бы прочесть, что об этом пишет Бейль в статье, озаглавленной «Фернель». По одному этому можно судить о том, какие клеветнические измышления до сих пор еще чернят память этой королевы, рисуя все поступки ее в ложном свете. Причины ее бесплодия следовало искать вовсе не в ней самой, а исключительно в Генрихе II. Достаточно отметить, что в те времена ни один принц не стеснялся иметь незаконно-рожденных детей, и тем не менее у Дианы де Пуатье, пользовавшейся гораздо большим расположением принца, чем его законная жена, детей не было. В медицине подробно описан тот физический недостаток, которым страдал Генрих II. Становятся понятными и все шутки придворных дам, которые могли делать из него аббата Сен-Виктора в те времена, когда на французском языке можно было говорить о таких вещах, называть которые в наши дни позволено только латинскими словами. После того как принц подвергся операции, у Екатерины было одиннадцать беременностей и она родила десяти детей. То обстоятельство, что Генрих II так запоздал с этой операцией, – настоящее счастье для Франции. Если бы Диана могла иметь от него детей, политические дела страны необычайно бы осложнились. Как только эта операция была сделана, герцогиня Валантинуа пережила вторую молодость женщины. Одного этого обстоятельства достаточно, чтобы убедиться, что историю Екатерины Медичи необходимо написать заново и что, как очень верно заметил Наполеон, ис-

торию Франции или следует всю уложить в один том, или же отвести под нее тысячу томов.

Стоит только сравнить поведение Карла V во время пребывания папы Климента VII в Марселе с поведением французского короля, и мы увидим, насколько король превзошел императора. Вот краткое описание этой встречи, принадлежащее перу современника.

«После того как его святейшество папа прибыл во дворец, который, как я говорил, был отведен ему по другую сторону порта, все разошлись по своим покоям до следующего дня ожидать, пока его святейшество приготовится к въезду в город, каковой въезд был весьма торжествен и пышен. Папа восседал на носилках, которые двое слуг несли на плечах; облачен он был в одеяния первосвященника; не было только тиары. Впереди на белом иноходце везли святые дары, и лошадь эту вели под уздцы два великолепно одетых конюха, и поводья были из белого шелка. За ними следовали все кардиналы в своих парадных одеяниях, *верхом на папских мулах*, как подобает их сану, и госпожа герцогиня Урбино во всем своем великолепии, сопровождаемая множеством знатных дам и господ, как итальянцев, так и французов. Когда сопутствуемый всей этой свитой святой отец достиг места, где ему были уготованы покои, все степенно удалились, и при этом не было никакого смятения и беспорядка. И в то время как совершал свой въезд папа, король сел на фрегат и отправился морем в то место, которое папа перед этим покинул,

дабы из этого самого места наутро смиренно явиться к отцу церкви, как и подобает истинно христианскому королю.

Подготовившись, король отправился во дворец, где пребывал папа. Сопровождали его принцы крови, среди которых были герцог Вандомский (отец видама⁶⁸ Шартрского), граф Сен-Поль, господа де Монпансье и де Ларош-сюр-Ион, герцог Немурский, брат герцога Савойского, который умер во время своего пребывания там, герцог Олбени и многие другие; графы, бароны, сеньоры, причем сеньор Монморанси находился все время при короле, своем господине. И когда король прибыл во дворец, он был очень учтиво принят папой и всей коллегией кардиналов, собравшихся на консистиорию. После чего каждый удалился в отведенное ему место, король же пригласил к себе на праздник нескольких кардиналов, и в их числе кардинала Медичи, племянника папы. Кардинал явился в роскошном облачении, с большою свитой.

Начиная со следующего дня определенные лица, назначенные для этой цели его святейшеством и королем, стали встречаться и обсуждать вопросы, для решения которых они сюда приехали. Прежде всего они занялись делами религии, и была оглашена булла, дабы искоренить ереси и не допустить, чтобы смуты в стране разгорались еще сильнее. После чего совершилось бракосочетание герцога Орлеанского, второго сына короля, с Екатериной Медичи, герцогиней Урби-

⁶⁸ Видам – старинный дворянский титул во Франции.

но, племянницей его святейшества. Условия были те же или весьма сходные с теми, кои были предложены папой герцогу Олбени. Означенное бракосочетание совершилось с превеликим торжеством, и союз их благословил наш святой отец.

После того как это бракосочетание было совершено, его святейшество созвал консисторию и возвел четверых епископов в сан кардинала: кардинала Ле Венер, который перед этим был епископом Лизье и королевским попечителем бедных, кардинала Булонского из дома Ла-Шамбр, приходившегося с материнской стороны братом герцогу Олбени, кардинала Шатальонского из дома Колиньи, племянника сира де Монморанси, кардинала де Живри».

Когда Строщи в присутствии всего двора стал вручать привезенное приданое, он заметил, что французские вельможи были несколько удивлены: они довольно громко заявили, что это вовсе не так много, чтобы возместить неравенство сторон в браке (что бы они сказали в наши дни?). На это кардинал Ипполито ответил:

– Очевидно, вы плохо осведомлены о секретах вашего короля. Его святейшество обещался передать Франции три жемчужины, которым нет цены: Геную, Милан и Неаполь.

Папа предоставил Себастьяно Монтекукули возможность лично явиться к французскому двору, где он и предложил свои услуги: он стал жаловаться на Антуана де Лэва и Фердинан до Гонзаго и поэтому был принят при дворе. Монтекукули сам не принадлежал к свите Екатерины, кото-

рая целиком состояла теперь из французов и француженок, ибо, к великому удовольствию папы, к ней был применен закон монархии: Екатерина еще до свадьбы приняла французское подданство, что было скреплено подписями и печатями. Вначале Монтекукули служил при дворе королевы, сестры Карла V. Спустя некоторое время он перешел на службу к дофину в качестве кравчего.

При дворе Франциска I герцогине Орлеанской жилось очень тяжело. Ее молодой супруг увлекся Дианой де Пуатье, которая по своему рождению могла соперничать с Екатериной, но которая притом занимала еще более высокое положение, чем она. Дочери Медичи пришлось немало вытерпеть от королевы Элеоноры, сестры Карла V, и от герцогини Этамлей, которая благодаря своему браку с главою дома де Брос стала одной из самых могущественных и самых именитых французских дам. Ее тетка герцогиня Олбени, королева Наваррская, герцогиня Гиз, герцогиня Вандомская, супруга коннетабля и многие другие не менее влиятельные дамы своим происхождением, своими правами и своим влиянием при дворе, великолепнейшем из всех французских дворов, не исключая даже двора Людовика XIV, затмевали дочь флорентинских торговцев пряностями, у которой было больше славы и больше богатства по дому де Латур де Булонь, чем по ее собственному дому Медичи.

Положение племянницы Филиппо Строцци было настолько тяжелым и трудным, что этот республиканец, будучи не в

состоянии руководить ею среди сплетения столь противоречивых интересов, через год покинул ее и уехал в Италию, куда к тому же его вызвали в связи с кончиною папы Климента VII. Поведение Екатерины, особенно если вспомнить, что ей в то время едва исполнилось пятнадцать лет, было образцом благоразумия: она очень сильно привязалась к своему свекру-королю и старалась всегда быть при нем; она сопровождала его верхом и на охоту и на войну. Ее откровенное преклонение перед Франциском I поставило дом Медичи вне всяких подозрений, когда был отравлен дофин. Екатерина вместе с герцогом Орлеанским находилась тогда в ставке короля в Провансе, ибо вскоре после этого бракосочетания на Францию напал Карл V, шурин короля. Королевский двор так и не успел покинуть место, где только что окончились свадебные торжества – на смену веселью туда пришли ужасы одной из самых страшных войн. В то время как Карл V, обращенный в бегство, терял последних своих солдат в Провансе, дофин возвращался по Роне в Лион. Он остановился на ночлег в Турноне и, скуки ради, проделал несколько самых неистовых физических упражнений, единственное, чему он и его брат, находясь на положении заложников, могли научиться. Это было в августе, принц сильно разгорячился и имел неосторожность попросить стакан воды; Монтекукули подал ему воду со льдом. Дофин умер почти внезапно. Франциск I обожал своего сына. Как утверждают все историки, дофин был принцем в лучшем смысле этого слова. Убитый

горем отец затеял громкий процесс против Монтекуккули, поручив расследовать дело самым ученым из судей своего времени. Вначале граф героически переносил все пытки, но потом в своих показаниях стал упорно называть императора⁶⁹ и двух его генералов – Антуана де Лэва и Фердинандо Гонзаго. Подобный ход следствия не удовлетворил Франциска I. Ни одно дело не разбиралось с такой тщательностью, как это. Вот как, по словам очевидца, поступил король:

«Король созвал в Лион всех принцев крови и рыцарей своего ордена и других видных людей своего королевства: папского легата и нунция, кардиналов, которые в это время находились при его дворе, равно как и посланников: английского, шотландского, португальского, венецианского, феррарского и других, а вместе с ними всех принцев и видных иностранных сеньоров, как итальянских, так и немецких, которые в это время находились у него при дворе. Там были, например, герцог Виттенбергский из Германии, герцог Сомский, Арианский, Атрийский, князь Мальфи (который когда-то собирался жениться на Екатерине), Стиллиано из Неаполя, синьор Ипполито д'Эсте, маркиз Виджево из миланского дома Тривульче, синьор Джованни Паоло де Чера из Рима, синьор Чезаре Фрегозе из Генуи, синьор Аннибале Гонзаго из Мантуи и другие в превеликом числе. Когда они собрались, им были прочитаны от начала до конца протоко-

⁶⁹ ...стал упорно называть императора... – Речь идет о германском императоре и испанском короле Карле V.

лы процесса того *несчастливого*, который отравил покойного дофина, со всеми показаниями, допросами и очными ставками и всем тем, что требуется в суде, ибо король не хотел, чтобы приговор был приведен в исполнение до того, как все присутствующие выскажут свое мнение по поводу этого чудовищного и подлого злодеяния».

Верность, преданность и ловкость графа Монтекукули покажутся чем-то совершенно необычным в наше время, когда ни о каком умении хранить тайну не может быть и речи, когда все на свете, вплоть до самих министров, готовы говорить о любом ничтожнейшем происшествии, в котором они замешаны. Но в то время принцы умели выбирать себе преданных слуг. Тогда можно было встретить монархических Море⁷⁰, ибо у людей была вера. Никогда не требуйте ничего значительного от людей, движимых корыстью, потому что выгодным может быть и одно и другое, но ждите всего от чувств, от того, кто верит в бога, в монарха, в родину. Эти три вида убеждений, и только они, породили Бертро⁷¹ в Женеве, Сиднея⁷² и Стрэффорда в Англии, убийц

⁷⁰ Море, Пьер – французский республиканец; его обвинили в участии в республиканском заговоре Фисски против короля Луи-Филиппа, и, хотя это не было доказано, он был приговорен к смертной казни в 1836 году.

⁷¹ Бертро. – Бальзак неверно называет фамилию. Речь идет о Бертелье Филибере (1470–1519), прославившемся во время защиты Женевы от войск герцога Савойского. После падения Женевы Бертелье отказался бежать, враги его казнили.

⁷² Сидней, Олджер (1622–1683) – английский республиканец, казнен за участие в заговоре против короля (1678).

Томаса Бекета, точно так же, как Монтекуккули, Жака Кера⁷³ и Жанну д'Арк, Ришелье и Дантона, Боншана⁷⁴, Тальмона⁷⁵ и наряду с этим Клемана⁷⁶, Шабо⁷⁷ и других. Карл V поручил осуществить убийство трех посланников Франциска I представителям высшей знати. Год спустя Лоренцино, двоюродный брат Екатерины, убил герцога Алессандро, после того как в течение трех лет притворялся его другом. Обстоятельства убийства были таковы, что его прозвали флорентинским Брутом. Подобные злодеяния замыслились даже против самых высокопоставленных лиц, поэтому никто не верил, что Лев X или Климент VII умерли естественной смертью. Мариана, историк Филиппа II, сообщая о кончине королевы испанской, урожденной французской принцессы, полусхотливо говорит, что «во имя славы испанского престола господь допустил, чтобы врачи, по своей слепоте, лечили королеву от водянки» (в действительности же она была беременна). Когда король Генрих II позволил себе оскорбле-

⁷³ Жак Кер (ок. 1395–1456) – богатый французский торговец, ссужал короля деньгами, за что получил дворянство.

⁷⁴ Боншан, Шарль, маркиз (1759–1793) – французский генерал, предводитель вандейского контрреволюционного восстания.

⁷⁵ Тальмон, Антуан Филипп – один из активных участников контрреволюционного восстания в Вандее, казнен в 1794 году.

⁷⁶ Клеман, Жак (1567–1589) – французский монах-доминиканец, убивший французского короля Генриха III.

⁷⁷ Шабо, Франсуа (1759–1794) – член революционного Конвента, был казнен по решению Трибунала в 1794 году.

ние, которое заслуживало ответа ударом шпаги, нашелся Ла Шатеньере, который и принял на себя этот удар. В эту эпоху принцам и принцессам еду приносили в закрытых на замок шкатулках, а ключи хранились всегда у них. Отсюда и произошло название «право на замок»; привилегия эта перестала существовать при Людовике XVI.

Дофин был отравлен тем же способом и, возможно, тем же самым ядом, которым в царствование Людовика XIV была отравлена жена Филиппа Орлеанского, брата короля. Папа Климент VII уже два года как умер. Герцог Алессандро совсем погряз в распутстве и, по-видимому, не придавал никакого значения возвышению герцога Орлеанского. Екатерина, которой было тогда семнадцать лет, обожала своего свекра и в день, когда произошло это событие, находилась при нем. Единственный, кто мог быть заинтересован в смерти дофина, – это Карл V, ибо у Франциска I был план женить своего сына так, чтобы с его женитьбой территория Франции увеличилась. Поэтому граф в своих признаниях очень ловко учел соотношение страстей и всех политических сил своего времени: Карл V бежал, после того как его армия погибла в Провансе, а с нею вместе его удача, его слава, его надежды на господство. Необходимо помнить, что даже если этот человек был невиновен и все его признания, сделанные под пытками, вынужденные, то Франциск I предоставлял ему право свободно говорить перед высоким собранием и в присутствии людей, которые в какой-то мере стремились к справед-

ливости. Король хотел знать правду и совершенно искренне ее добивался.

Несмотря на открывшееся перед Екатериной блестящее будущее, положение ее при дворе после смерти дофина несколько не изменилось; если бы престол достался ее мужу, бесплодие ее могло повести за собой развод. Дофин был по-прежнему увлечен Дианой де Пуатье. Диана дерзала соперничать с г-жой д'Этамп. В силу этого Екатерина все свои заботы и все внимание устремила на свекра: она понимала, что ни в ком, кроме него, ей не найти поддержки. Словом, первые десять лет замужества Екатерины были отмечены все новыми разочарованиями и горем; надежды забеременеть неизменно рушились, а соперничество Дианы отравляло все ее дни. Судите сами, во что должна была обратиться жизнь принцессы, если за ней неотступно следила ревнивая любовница ее мужа, находившая себе поддержку в сильнейшей из партий – партии католиков – и в могущественных связях, которые образовались у жены сенешаля, когда она выдала замуж обеих своих дочерей, одну за Робера Ламарка, герцога Бульонского, принца Седанского, другую – за Клода Лотарингского, герцога Омальского.

Екатерина, очутившись между двух партий: партией г-жи д'Этамп⁷⁸ и партией жены сенешаля (так в царствование Франциска I называли Диану) – обе эти партии находились в

⁷⁸ Г-жа д'Этамп, Анна (1508–1585) – фаворитка французского короля Франциска I.

состоянии смертельной вражды, расколовшей надвое королевский двор и все государство, — пыталась сохранить дружбу и с герцогиней д'Этамп, и с Дианой де Пуатье.

Екатерина, которой суждено было стать столь замечательной королевой, научилась той двоедушной политике, которая составила суть всей ее жизни. Екатерина-королева сумела лавировать между католиками и кальвинистами так же, как Екатерина-женщина лавировала между г-жой д'Этамп и г-жой де Пуатье. Она изучила всю противоречивость французской политики: Франциск I поддерживал Кальвина и лютеран, чтобы поставить в затруднительное положение Карла V. Потом, после того, как он долгое время втайне помогал делу Реформации в Германии, после того, как он дал согласие на пребывание Кальвина при Наваррском дворе, он сам обрушился на реформатов с наслыханной яростью. Екатерина увидела, что весь двор, в том числе и придворные дамы, играл с ересью, как с огнем. Диана стояла во главе католической партии вместе с Гизами только потому, что герцогиня д'Этамп поддерживала Кальвина и протестантов. Вот какое политическое воспитание получила эта королева: при французском дворе она видела те же порядки, что и в доме Медичи. Дофин на каждом шагу перечил своему отцу: он был плохим сыном. Он позабыл самую страшную, но вместе с тем и самую верную заповедь монарха: у государей всегда одни и те же цели, и сын, даже если он при жизни отца был его противником, должен следовать его политике, став королем. Вот

что говорит Спиноза, который был не только великим философом, но и мудрым политиком, о государе, вступающем на престол в результате убийства своего предшественника или мятежа: «Если новый государь хочет удержаться на престоле и быть спокойным за свою жизнь, то надо, чтобы он с неслыханной яростью мстил за смерть своего предшественника, дабы потом никому уже не могло прийти в голову совершить подобное преступление. Но чтобы месть эта была достойной, ему недостаточно пролить кровь своих подданных, он должен ратовать за политику, которую проводил убитый государь, и в деле управления страной следовать по его пути». Это правило помогло Медичи захватить Флоренцию. Козимо I, преемник герцога Алессандро, спустя одиннадцать лет после своего воцарения приказал убить в Венеции флорентинского Брута и, как мы уже говорили, неустанно преследовал всех Строщи. Забвение этого правила погубило Людовика XVI. Этот король погрешил против всех основ государственности, восстановив парламенты, уничтоженные его дедом. Людовик XV был прав. Парламенты⁷⁹, в особенности парижский, в значительной степени вызвали те волнения, которые повлекли за собою созыв Генеральных штатов. Ошибкой Людовика XV было то, что, уничтожив этот барьер, отделявший короля от народа, он не заменил его чем-либо бо-

⁷⁹ Парламенты. – До революции 1789–1794 годов парламентами во Франции назывались высшие суды, на которые возлагались и некоторые административные функции.

лее прочным, иначе говоря, то, что взамен парламентов он не создал устойчивой конституции для провинций. Она-то и могла стать лекарством от всех монархических зол, с помощью нее были бы упорядочены и утверждены налоги и постепенно проведены все реформы, необходимые для поддержания монархии.

Первое, что сделал Генрих II, – он оказал доверие коннетаблю Монморанси, несмотря на то, что отец его завещал ему держать того в немилости. Коннетабль Монморанси вместе с Дианой де Пуатье, с которой его связывали близкие отношения, по сути дела, был хозяином государства. Таким образом, став королевой Франции, Екатерина была еще менее счастлива, чем тогда, когда она была дофиной. Кроме того, начиная с 1543 года, в течение десяти лет, она каждый год рожала по ребенку и выполняла свой материнский долг на протяжении всего этого десятилетия – то есть последних лет царствования Франциска I и почти всего царствования Генриха II. Столь частые беременности были на руку ее сопернице, которая таким образом избавлялась от законной жены. Екатерина не могла простить Диане этой грубой женской хитрости. Будучи таким образом отстраненной от государственных дел, эта замечательная женщина стала наблюдать за интригами придворных и партий, образовавшихся при дворе. Все находившиеся при ней итальянцы возбуждали страшные подозрения. После казни Монтекукули коннетабль Монморанси, Диана и большинство проницательных

придворных политиков были склонны подозревать Медичи, но Франциск I всегда отвергал эти подозрения. Поэтому и Гонди, и Бирага, и Строцци, и Руджери, и Сардини – словом, все итальянцы, приехавшие во Францию вместе с Екатериной, вынуждены были проявлять чудеса хитрости и храбрости, чтобы вынести жизнь при дворе под гнетом нависшей над ними немилости. В то время, когда у власти была Диана де Пуатье, Екатерина проявляла к ней такое расположение, что досужие умы усмотрели бы в этом доказательство того глубокого притворства, к которому ее вынудили прибегнуть события, окружающие ее люди и поведение Генриха II. Те, кто думает, что Екатерина никогда не предъявляла своих прав, ни как супруга, ни как королева, слишком далеко уходят от истины. Надо сказать, что чувство собственного достоинства было развито в ней в самой высокой степени, и оно мешало ей настаивать на том, что историки называют супружескими правами. Одиннадцать беременностей Екатерины и десять родившихся у нее детей достаточно объясняют поведение Генриха II, который на протяжении всех этих беременностей мог проводить сколько угодно времени с Дианой де Пуатье. Но, вне всякого сомнения, король неукоснительно исполнял свои обязанности перед самим собою. При коронации он устроил королеве торжественный въезд, не уступавший всем тем, которые происходили во время прежних коронаций. В протоколах парламента и Счетной палаты записано, что два величественных кортежа, предварявших по-

явление Екатерины, тянулись через весь Париж до Сен-Лазара. Да вот и выдержка из описания, сделанного дю Тилле.

«В Сен-Лазаре был воздвигнут помост, на котором поставили трон (дю Тилле называет его парадным креслом). На нем восседала Екатерина в горностаевом казакине, украшенном драгоценными камнями, в корсаже и в королевской мантии. На голове у нее была корона, вся в жемчугах и алмазах. Рядом с нею поместилась жена маршала Ламарка, ее статс-дама. Вокруг них стояли принцы крови, а также другие богато одетые принцы, сеньоры, канцлер Франции в одеянии из парчи с золотыми узорами на красном фоне. Впереди королевы на том же возвышении сидели в два ряда двенадцать герцогинь и графинь, все одетые в горностаевые казакины, корсажи, мантии и с герцогскими и графскими коронами на головах. Это были герцогини д'Эстувиль, старшая и младшая Монпансье, принцесса де Ларош-сюр-Ион, герцогини Гиз, Нивернуа, де Валантмнуа (Диана де Пуатье), герцогиня Омальская, Мадемуазель, побочная дочь короля Франции (которая стала герцогиней де Кастро-Фарнезе, а потом герцогиней де Монмораней-Данвиль), госпожа жена коннетабля и мадемуазель де Немур, не считая других дам, для которых там не хватило места. Четыре президента парламента в бархатных шапочках, несколько советников, а также секретарь дю Тилле, поднявшись на помост, преклонили перед королевой колени, и первый президент Лизе обратился к ней с речью. Канцлер стал на одно колено и произнес ответную

речь. Въезд королевы состоялся в три часа дня, она ехала в открытых носилках. Напротив сидела Маргарита Французская, по обе стороны носилок шли кардиналы Амбуазский, Шатильонский, Булонский и Ленонкурский в своих одеяниях. Королева остановилась у собора Парижской богородицы, где ее встретило духовенство. По окончании молебствия королеву повезли на улицу Каландр в парламент, где в большом зале был приготовлен ужин. Там она сидела в середине зала за мраморным столом и под бархатным балдахином, затканном золотыми лилиями».

Здесь как раз следует опровергнуть одно из распространенных мнений, которые кое-кто стал повторять вслед за Совалем.

Утверждали, что Генрих II до такой степени перестал считаться с правилами приличия, что поместил инициалы своей любовницы на зданиях, которые он, по совету Екатерины, с таким великолепием достраивал или воздвигал. Но двойной вензель, украшающий здание Лувра, каждый день обличает тех недалеких людей, которые готовы поверить этим рассказам, без всяких оснований порочащим наших королей и королев. Вместе с тем первая буква имени Henri и переплетенные с ней два C, первая буква имени Catherine, могут быть прочитаны как два D, первые буквы имени Diane. Совпадение это, по-видимому, нравилось Генриху II, но это не исключает того, что королевский вензель фактически был составлен из первых букв имен короля и королевы. Верность

всего сказанного подтверждается тем, что вензель этот можно видеть до сих пор на колонне Хлебного рынка, которую Екатерина воздвигла сама. Помимо этого, те же буквы мы находим в усыпальнице Сен-Дени на надгробном памятнике, заказанном Екатериной для себя еще при жизни, рядом с надгробием Генриха II, где скульптор вылепил ее с натуры.

В критическую минуту, отправляясь в поход на Германию, Генрих II передал власть Екатерине и объявил ее регентшей как на время своего отсутствия, так и в случае своей смерти; это было 25 марта 1552 года. Самый заклятый враг Екатерины, автор «Удивительного слова о непотребствах Екатерины», отмечает, что она снискала себе всеобщие похвалы и что король был удовлетворен тем, как она справилась со своей задачей. Генрих II получил от нее вовремя и людей и деньги. Наконец после рокового сражения при Сен-Кантене⁸⁰ Екатерина собрала с парижан крупные суммы, которые она отправила в Компьень, где в то время находился король.

Чтобы добиться хотя бы незначительного влияния в политике, Екатерине пришлось делать огромные усилия. Она проявила достаточно ловкости, чтобы заставить коннетабля, всесильного при Генрихе II, служить ее интересам. Известно, какими страшными словами король ответил донимавшему его Монморанси. Ответ этот был результатом разумных

⁸⁰ Сражение при Сен-Кантене. – В 1557 году после ожесточенного штурма испанские войска захватили французский город Сен-Кантен.

советов, которые Екатерина дала королю в те немногие часы, когда она оставалась с ним наедине и когда она излагала перед ним положение флорентинской политики, заключавшейся в том, чтобы сталкивать знатнейших людей государства между собою и на гибели их утверждать королевскую власть; это была система Людовика XI, примененная потом ею самой и Ришелье. Генрих II, глядевший на все глазами Дианы и коннетабля, был королем феодального склада и жил в дружбе со знаменитыми домами своего королевства.

После напрасной попытки коннетабля угодить ей, попытки, которая, по-видимому, относится к 1556 году, Екатерина стала очень ласковой с Гизами: она замыслила вывести их из партии Дианы с тем, чтобы противопоставить коннетаблю. Но, к несчастью, Диана и коннетабль были так же, как и Гизы, настроены против протестантов. Поэтому в борьбе их не было того ожесточения, которое могла внести туда религиозная рознь. К тому же Диана спутала карты королевы, начав заигрывать с Гизами и выдав свою дочь за герцога Омальского. В этой игре она зашла так далеко, что некоторые авторы думают даже, что галантный кардинал Лотарингский завоевал не только ее расположение, но и нечто большее. Сатирические поэты того времени написали по этому поводу следующее четверостишие:

Коль Шарль⁸¹ у вас в стране такое занял место,

⁸¹ Кардинал Лотарингский.

Коль над собою вы Диане дали власть
Месить вас так и смять, и в кадку класть,
Вас нет здесь, государь, вы превратились в тесто.

Никак нельзя считать искренними все знаки скорби и сожаления, которые выказала Екатерина при кончине Генриха II. Ввиду того, что страсть короля к Диане де Пуатье была неизменной, Екатерине оставалось только играть роль покинутой жены, которая любит своего мужа; но, как всякая умная женщина, она продолжала притворяться и после его смерти, вспоминая короля с большой нежностью. Диана, как известно, всю жизнь носила траур по своему покойному мужу г-ну де Брезе. Ее цветами были черный и белый, и именно эти цвета король носил на турнире, который стал для него последним⁸². Екатерина точно так же носила траур всю жизнь, несомненно, подражая своей сопернице. Она отнеслась к Диане де Пуатье с редкостным коварством, на которое историки не обратили внимания. После смерти короля коннетабль, оказавшийся человеком недостойным, потерял всякий интерес к герцогине де Валантинуа и подло ее покинул. Диана предложила королеве свои земли и свой замок в Шенонсо. Тогда Екатерина сказала в присутствии свидетелей: «Я не могу позабыть, что она была отрадой моего дорогого Генриха, мне стыдно принимать от нее что-нибудь да-

⁸² ...эти цвета король носил на турнире, который стал для него последним. — Король Генрих II умер от раны, полученной на турнире в 1559 году.

ром, я дам ей взамен другое поместье и предлагаю ей Шомон-сюр-Луар». И действительно, этот акт обмена имел место в Блуа в 1559 году. Зятьями Дианы были герцог Омальский и герцог Бульонский, в то время владетельные принцы; она сумела сберечь все свое состояние и спокойно умерла в 1566 году в возрасте шестидесяти шести лет. Она была на девятнадцать лет старше Генриха II. Эти даты, которые исследователь, изучавший ее жизнь, списал в конце прошлого столетия с ее надгробной эпитафии, проливают свет на многие непонятные моменты истории: ведь некоторые историки полагают, что после осуждения ее отца в 1523 году ей было сорок лет, а другие – что ей было шестнадцать. В действительности же ей тогда было двадцать четыре года. После того как мы познакомились со всеми фактами, рисующими как в положительном, так и в отрицательном свете ее отношение к Франциску I, когда дом Пуатье находился в такой большой опасности, мы не хотим ничего утверждать и ничего опровергать. Это одно из тех обстоятельств, которые историки до сих пор не выяснили. Все происходящее на наших глазах показывает нам, что история подделывается именно тогда, когда она делается. Екатерина возлагала большие надежды на возраст своей соперницы и не раз пыталась от нее избавиться. Это была тайная и страшная борьба. Однажды, правда, Екатерине чуть было не удалось осуществить свои надежды. В 1554 году Диана заболела и просила короля поехать в Сен-Жермен, пока она не поправится. Этой в высшей степе-

ни кокетливой женщине не хотелось предстать перед взорами короля в столь невыгодном свете. Ко времени возвращения короля Екатерина заказала великолепный балет: шесть молоденьких девушек должны были продекламировать стихи. В число их она включила мисс Флеминг, родственницу своего дяди, герцога Олбени, девушку необычайной красоты, бледнолицую и белокурую; одну из своих родственниц, Клариче Строцци, очаровательную итальянку с чудесными черными волосами и удивительно красивыми руками; м-ль Льюистон, придворную даму Марии Стюарт; самое Марию Стюарт, принцессу Елизавету Французскую, которая потом стала испанскою королевою и судьба которой сложилась так тяжело, и принцессу Клод. Елизавете было тогда девять лет, Клод – восемь, Марии Стюарт – двенадцать. Само собою разумеется, королева хотела оттенить красоту Клариче Строцци и мисс Флеминг, показав их без соперниц, чтобы остановить на одной из них выбор короля. Король не сопротивлялся: он выбрал себе мисс Флеминг, и у нее от него родился незаконный сын, Генрих Валуа, граф Ангулемский, великий приор Франции. Но влияния Дианы это обстоятельство не поколебало. Герцогиня де Валантинуа простила ему, подобно тому, как впоследствии маркиза де Помпадур простила Людовика XV. Но с какой же стороны такая попытка характеризует Екатерину? Что это: любовь к власти или любовь к мужу? Пусть женщины решают.

В наши дни то и дело толкуют о вольностях, которые себе

позволяет печатать. Но трудно себе представить, каких пределов они достигали в самом начале книгопечатания. Известно, например, что Аретино, который был Вольтером своего времени, повергал в дрожь королей, и в первую очередь самого Карла V. Но вряд ли знают, до какой смелости доходили тогда памфлеты. Замок Шенонсо, о котором мы говорили, был отдан Диане, впрочем, это не тс слово, ее просто умолили принять его в дар, стремясь загладить этим одно из самых отвратительных произведений, когда-либо высмеивавших женщину, произведение, по которому можно судить о том, что за борьба происходила между нею и г-жой д'Этамп.

В 1537 году, когда ей было тридцать восемь лет, какой-то поэт из Шампани, по имени Жан Вуте, издал сборник латинских стихотворений, содержащий три эпиграммы на Диану. Поэт, надо полагать, заручился каким-то высоким покровительством, ибо стихам его предшествует восхваление, написанное Сальмоном Макреном, первым камердинером короля. Вот единственное место из всех этих эпиграмм, озаглавленных: *In Pictaviam, anum aulicam* (На Пуатье, старую придворную даму).

...*Non trahit esca ficta praedam.*

«Никакая дичь не прельстится намалеванною приманкой», – говорит поэт, после того как он обличает Диану в том, что она красится, что она покупает себе волосы и зу-

бы. «Но если даже ты купишь себе главное, что составляет прелесть женщины, — добавляет он, — то ты не добьешься от твоего любовника того, чего он хочет, ведь для этого надо быть живой, а не мертвой».

И этот сборник, изданный Симоном де Колин, посвящается епископу!.. Франсуа Бойе, брат которого для того, чтобы спасти свою репутацию при дворе и искупить свой проступок, предложил ей, как только Генрих II вступил на престол, замок Шенонсо, построенный его отцом Тома Бойе, государственным советником при четырех королях: Людовике XI, Карле VIII, Людовике XII и Франциске I. Что там памфлеты, написанные на г-жу Помпадур и на Марию-Антуанетту, в сравнении с этими стихами, под которыми мог бы подписаться сам Марциал! Этому Вуте, по-видимому, пришлось худо. Так вот земля и замок Шенонсо достались Диане за одно только прощение обиды, а ведь прощать обиды нам велит Евангелие! Наказания, налагаемые тогда на печать, были немного посуровее, чем в наши дни, хотя это и не были судебные приговоры.

Каждая овдовевшая французская королева обязана была оставаться в комнате короля в течение сорока дней и не видеть другого света, кроме света свечей: выйти на воздух она могла только после погребения своего супруга. Этот неукоснительно соблюдавшийся обычай немало смущал Екатерину, которая боялась дворцовых интриг; ей, однако, удалось

его обойти, и вот как: кардинал Лотарингский однажды рано утром (и в такое-то время, в такую минуту!) уходил от прекрасной римлянки, знаменитой куртизанки эпохи Генриха II, которая жила на улице Кюльтюр-Сен-Катрин, и к нему пристала ватага молодых кутил. По свидетельству Этьена, «его преосвященство, чрезвычайно этим пораженный, заявил, что еретики устраивают ему засады...». По этой причине двор переселился из Парижа в Сен-Жермен. Королева не захотела покидать короля, своего сына, и сама перебралась туда же.

В момент воцарения Франциска II, когда Екатерина думала, что власть уже попала в ее руки, она обманулась, и обман этот был тяжелым завершением двадцати шести лет, проведенных ею при французском дворе: за это время она знала одно только горе. Власть захватили тогда Гизы; они проявили при этом неслыханную дерзость: герцог Гиз был поставлен во главе армии, коннетабля сместили, кардинал возглавил церковь. Политическая карьера Екатерины началась с одной из драм, которая хотя и не наделала столько шума, сколько другие, но была, однако, не менее страшна; она-то и подготовила Екатерину к ужасным переживаниям ее последующей жизни. Стараясь казаться близкой к Гизам, она попыталась обеспечить себе победу при поддержке дома Бурбонов. Может быть, Екатерина, испробовав все самые крайние средства, хотела пустить в ход ревность, чтобы вернуть себе короля, а может быть, она просто пережива-

ла свою вторую молодость и тосковала по настоящей любви, но она стала проявлять живейший интерес к одному вельможе королевской крови, Франсуа Вандому, сыну Луи Вандома (от этого рода произошел дом Бурбонов), видуamu Шартрскому, имя, под которым этого человека знает история. Тайная ненависть, которую Екатерина питала к Диане, проявлялась при различных обстоятельствах, но историки, увлекшись вопросами политики, не обращали на них до сих пор никакого внимания. Симпатии Екатерины к видуamu были вызваны оскорблением, которое этот молодой человек нанес фаворитке короля. Диана хотела самых блестящих партий для своих дочерей, которые, впрочем, и сами принадлежали к самой высшей знати Франции. Ей особенно хотелось удостоиться чести породниться с королевским домом. По ее желанию руку ее второй дочери, впоследствии сделавшейся герцогиней Омальской, предложили видуamu, которого весьма разумная политика Франциска I держала в бедности. В самом деле, когда видам Шартрский и принц Конде явились ко двору, как бы вы думали, какое содержание Франциск I назначил им? Обычное камергерское жалованье да еще 1200 экю пенсии, то есть немного больше того, что получали рядовые придворные. Несмотря на то что Диана де Пуатье предложила ему огромное состояние, какую-то видную должность и милость короля, видам отказался.

Впоследствии этот Бурбон, уже ставший мятежником, женился на Жанне, дочери барона д'Эстиссака, и брак его был

бездетным. Естественно, что эти гордые повадки расположили к видуamu Екатерину, которая приняла его особенно ласково и сумела сделать из него преданного друга. Историки утверждают, что своим умением нравиться, заслугами и способностями последний из герцогов Монморанси, казненный в Тулузе, походил на видама Шартрского. Но Генрих II не стал ревновать, ему не могло прийти в голову, чтобы королева Франции могла изменить своему долгу или чтобы Медичи позабыла честь, которую оказал ей один из Валуа. В то время когда королева, как говорят, кокетничала с видамом Шартрским, король ее почти совершенно покинул; это было после рождения ее последнего сына. Однако попытка эта ни к чему не привела, ибо Генрих умер, нося цвета Дианы де Пуатье.

После смерти короля Екатерина, как уверяют, была в любовной связи с видамом. Такого рода отношения как нельзя более соответствовали нравам того времени, когда любовь была столь рыцарственной и в то же время столь несдержанной, что самые высокие поступки были так же в порядке вещей, как и самые предосудительные; беда лишь в том, что историки совершили свою всегдашнюю ошибку: исключение они приняли за правило. У Генриха II было четыре сына, и это обстоятельство лишало Бурбонов всякой надежды; все представители этого рода были крайне бедными, а предательство коннетабля бросало на них тень подозрения, независимо от причин, побудивших его покинуть страну. Видам

Шартрский, который для первого принца Конде был тем, чем Ришелье для Мазарини, – его отцом в политике, примером, которому он следовал, и к тому же еще наставником в любовных делах, умел скрывать под покровом легкомыслия далеко идущие притязания своего дома. Не собираясь бороться с Гизами, с Монморанси, с шотландскими принцами, с кардиналами, с герцогом Бульонским, он сумел обратить на себя всеобщее внимание своей любезностью в обращении, манерами, живостью ума, завоевал благосклонность самых очаровательных дам и победил сердца, о которых даже не мечтал. Это был человек, пользовавшийся особыми привилегиями, неотразимый и обязанный всем своим положением только любви. Бурбоны не стали бы сердиться, как Жарнак на клевету де Ла Шатеньере; они отличным образом принимали от своих любовниц земли и замки, как, например, принц Конде принял поместье Сен-Валер от г-жи жены маршала Сент-Андре.

После смерти Генриха II, в течение первых двадцати дней траура, положение видама сразу же изменилось. Он стал пользоваться особым вниманием королевы-матери и в то время, как он ухаживал за нею так, как только было возможно ухаживать за королевой, – в совершенной тайне; он, казалось, был предназначен для выполнения некоей миссии. Екатерина действительно решила воспользоваться его услугами. Она поручила ему передать принцу Конде письмо, в котором она доказывала, что им необходимо объединиться

против Гизов. Проведав об этой интриге, Гизы явились в покои королевы, чтобы вырвать у Екатерины приказ о заключении видама в Бастилию. И Екатерине пришлось повиноваться.

Видам пробыл несколько месяцев в заключении и, выйдя из тюрьмы, в тот же самый день умер. Это было незадолго до заговора в Амбуазе. Так окончилась первая и единственная любовь Екатерины Медичи. Писатели-протестанты утверждали, что королева приказала отравить видама, чтобы все, что было между ними, осталось навсегда тайной!.. Вот какой ценой досталась этой женщине наука власти.

Часть первая

Мученик-кальвинист

I. Дом, которого больше нет на улице, которой не существует в Париже, который был не таким, как ныне

В наши дни мало кто знает, как незатейливо были устроены жилища парижских горожан в XVI веке и как просто они жили. Быть может, именно простота поступков и мыслей этих горожан былых времен явилась причиной их величия; а ведь они были свободны и благородны, и, быть может, в большей степени, чем буржуазия наших дней; их историю еще только предстоит написать, она требует, чтобы за нее взялся какой-нибудь проникновенный историк, она его ждет. Замысел мой родился под влиянием некоего действительного происшествия, которое и лежит в основе настоящего исследования; происшествие это – одно из самых примечательных в истории городского сословия, и несомненно, что после того, как люди прочтут этот рассказ, говорить о нем будут все. Но разве впервые в истории выводы делаются раньше, чем узнаются факты?

В 1560 году улица Вьель-Пельтри проходила вдоль левого берега Сены, между мостом Нотр-Дам и Мостом Менял. На месте теперешней мостовой была проезжая дорога и стояли дома. Жители каждого из этих домов, расположенных на самом берегу, могли тогда спускаться к реке по деревянным или каменным лестницам. Лестницы эти были защищены со стороны реки крепкой железной решеткой или дверью, обитой гвоздями. В домах здесь, как и в Венеции, имелось два выхода: один на сушу и один на воду. Теперь, когда я пишу эти строки, остался только один-единственный дом, который видом своим напоминает старый Париж, да и тот, пожалуй, скоро будет уже окончательно разрушен. Дом этот расположен на углу Малого моста, напротив кордегардии Городской больницы. В былое время со стороны реки дома эти выглядели очень своеобразно и по виду каждого дома можно было определить, чем занимается его владелец, узнать, какие у него привычки, как хозяин его использует близость к Сене и вместе с тем как он злоупотребляет этой близостью. Чуть ли не на всех мостах, перекинутых через Сену, были построены водяные мельницы, причем мельниц этих было столько, что они не могли не помешать судоходству, и в Париже оказалось, пожалуй, не меньше запруд, чем мостов. Некоторые из этих водоемов старого Парижа пленили бы художника своей живописностью. Какою причудливою лесною чащей выглядели все эти переплеты балок, подпиравших мельницы, их колеса и шлюзы! Какое своеобразное впечатление произ-

водили эти торчавшие из воды сваи, которые служили опорой нависающим над рекою зданиям! К сожалению, жанровых картин тогда еще не писали, искусство гравюры было в младенческом состоянии, и это редкостное зрелище потеряно для нас безвозвратно. В миниатюре, правда, все это сохранилось еще в иных наших провинциальных городах, где зубчатые берега реки застроены деревянными домиками или где, как, например, в Вандоме, в заросших тиной запрудах огромные решетки разделяют друг от друга участки разных владельцев, расположенные на том и другом берегу.

Само название этой улицы, которой теперь уже не найти на плане, достаточно ясно говорит о том, чем славились ее обитатели⁸³. В то время горожане, промышлявшие одним и тем же ремеслом, не были рассеяны по всему городу, а, напротив, сосредоточивались где-то в одной его части и, таким образом, представляли собой внушительную силу. Они бывали объединены в цех, который ограничивал их численность; к тому же их объединяли еще и церковные братства. Все это позволяло им поддерживать цены на определенном уровне. Притом мастера не были тогда на поводу у своих работников и не выполняли их прихотей, как в наши дни; напротив, они заботились о них, старались относиться к ним, как к собственным детям, посвящая их во все тонкости своего искусства. Чтобы стать мастером, ремесленник должен был создать какое-нибудь замечательное произведение, и он

⁸³ Вьель-Пельтри – буквально «Старая Мехава» (*фр.*).

неизменно посвящал свой труд святому – покровителю братства.

Не станете же вы утверждать, что отсутствие конкуренции вело к отказу от совершенства и лишало изделия красоты? Не ваши ли восторги перед творениями старых мастеров создали новую профессию – торговца старинными вещами?

В XV и XVI веках торговля мехами переживала эпоху своего расцвета. Добывать пушнину было тогда делом нелегким: приходилось совершать длинные и опасные путешествия в северные страны; в силу этого меха ценились чрезвычайно дорого. В те времена, так же как и теперь, высокие цены только повышали спрос: ведь тщеславие не знает преград. Во Франции, а равным образом и в других странах ношение мехов было установленной королевским указом привилегией знати, и это объясняет, почему горностаи так часто фигурирует на старинных гербах; некоторые редкостные меха, как, например, vair, который, вне всякого сомнения, есть не что иное, как королевский соболь, имели право носить одни только короли, герцоги и занимающие определенные должности вельможи. Различали vair, состоящий из мелких, и vair, состоящий из крупных шкурок; слово это уже лет сто как вышло из употребления и до такой степени забылось всеми, что даже в бесчисленных переизданиях «Сказок» Перро про знаменитую туфельку Золушки, которая первоначально была, по-видимому, из мелкого vair, в настоящее время говорится, что она *хрустальная* (verre). Недавно один

из наших самых выдающихся поэтов вынужден был восстановить правильное написание этого слова, дабы просветить своих собратьев-фельетонистов в своей рецензии об опере «Cenerontola»⁸⁴, где символическая туфелька заменена ничего не значащим кольцом. Нет ничего удивительного, что, к великому удовольствию меховщиков, запреты, связанные с ношением мехов, постоянно нарушались. Высокие цены на материи и на меха приводили к тому, что каждый предмет одежды становился столь же долговечным, как мебель, оружие и другие аксессуары устойчивой жизни XV столетия. У дамы, у вельможи, у любого состоятельного человека, а равно и у любого горожанина было не более двух комплектов одежды для каждого сезона; носили эту одежду всю жизнь, а когда владелец ее умирал, она переходила по наследству к его детям. Поэтому перечисление оружия и одеяний, совершенно почти ненужное в брачных контрактах нашего времени в силу того, что носильные вещи беспрестанно обновляются и стоят не так уже дорого, в ту эпоху имело первостепенное значение. Дороговизна одежды приводила к тому, что она всегда бывала добротной. Предметы женского туалета составляли огромный капитал, которому в семье вели счет и который хранился в сундуках столь тяжелых, что под ними неминуемо обвалились бы потолки современного дома. Парадное платье женщины 1840 года могло быть разве только домашней одеждой у светской дамы 1540 года. В на-

⁸⁴ «Золушка» (ит.).

ши дни открытие Америки, легкость передвижения, отмирание сословных различий, подготовившее отмирание различий внешних, повергли торговлю мехами в то состояние, в котором она пребывает сейчас, то есть почти совершенно свели ее на нет.

Стоимость вещи, которую меховщики наших дней продают, как и в былые времена, за двадцать ливров, стала меньше в силу падения самой стоимости денег: ведь ливр стоил тогда свыше двадцати теперешних франков.

В наши дни простая мешчанка или куртизанка носит отороченную куньим мехом пелерину, даже не зная, что в 1440 году городской страж, которому она чем-нибудь не понравилась бы, мог ее за это арестовать и предать суду. Англичанки, которые так увлекаются горностаем, даже не подозревают, что некогда одни только королевы, герцогини и канцлеры Франции имели право носить этот царственный мех. В наше время существует несколько родов, которым было пожаловано дворянство, – они носят имя Пельтье или Лепельтье. Происхождением своим это имя обязано какой-то богатой конторе, производившей скупку мехов, ибо большинство фамилий купцов вначале были прозвищами. Отступление это делает понятным не только долгие распри из-за первенства, которые велись в течение двух столетий между цехами суконщиков, меховщиков и галантерейщиков (каждому из трех хотелось быть первым в Париже), но и ту роль, которую играл господин Лекамю, придворный поставщик двух

королев – Екатерины Медичи и Марии Стюарт – и поставщик парламента, в течение двадцати лет бывший синдиком своего цеха. Лекамя жил на этой самой улице. Дом его образовывал один из углов перекрестка напротив Моста Менял, где теперь сохранилось только четвертое из угловых зданий – башня Парижского суда. На одном из углов этого дома, расположенного на набережной, которая сейчас носит название Цветочной, возле Моста Менял, был устроен выступ. Там стояла статуя мадонны, перед которой день и ночь горели свечи. В летнее время ее украшали живые цветы, а зимою – искусственные. С той стороны, точно так же как и со стороны улицы Вьель-Пельтри, дом этот покоился на деревянных столбах. В торговых кварталах под домами были крытые галереи: почва там затвердела от нанесенной на ногах уличной грязи и была в буграх. Во всех французских городах подобные галереи носили название рядов, к этому добавлялось еще наименование отрасли торговли, как, например, зеленные ряды, мясные ряды. Эти простые галереи, без которых нельзя было обойтись в Париже, с его такой переменчивой, такой дождливой погодой, галереи, которые составляли неотъемлемую принадлежность всего облика старого города, теперь совершенно исчезли. Точно так же, как сохранился всего один-единственный дом, выходящий на реку, от всех длинных старых рядов рынка уцелел только один прогон в каких-нибудь сто футов длиной, последнее из того, чего пока еще не одолела разрушительная сила времени. Скоро, долж-

но быть, исчезнет с лица земли и этот последний уголок старого Парижа с его темным лабиринтом улиц. Само собой разумеется, эти средневековые руины никак не совместимы с величественным обликом нашей теперешней столицы. Поэтому, упоминая о них, я хочу выразить не столько свое сожаление об этих уголках старого города, сколько просто зарисовать с натуры все, что еще не успело превратиться в прах, и таким образом оправдать эти драгоценные описания в глазах грядущего, которое наступает на современность.

Стены этого дома были из дерева и черепицы. Промежутки между бревнами, как это сейчас еще бывает в некоторых старых провинциальных городах, были выложены кирпичами разной толщины и составляли узор, называемый венгерскою кладкой. Оконные проемы точно так же были покрыты снизу и сверху богатой деревянной резьбой, равно как и угловой столб, поднимавшийся над статуей мадонны, и как опоры выставки магазина. Каждое окно, каждая балка перекрытия, разделявшего этажи, были украшены арабесками с изображениями людей или фантастических животных, залегших среди причудливой листвы. Со стороны улицы, а также со стороны реки дом был увенчан крышей, напоминающей две приставленные друг к другу игральные карты, и, таким образом, имел два ската: один – выходящий на улицу и один – на реку. Крыша выдавалась вперед, подобно крышам швейцарских шале, и притом на довольно большом расстоянии, так что на втором этаже образовывался балкон, на

котором, не выходя из-под навеса, хозяйка дома могла прогуливаться над улицей или над запрудой, устроенной между двумя рядами домов и двумя мостами.

Дома, которые имели выход на реку, были тогда в большой цене. В эту эпоху не было ни колодцев, ни канализации в нашем смысле слова. Существовала только кольцевая канализация, завершенная Обрио, первым, кто еще в эпоху Карла V задумался над улучшением санитарного состояния Парижа. Это был человек талантливый и энергичный. Жители домов, расположенных на берегу, подобно дому Лекамю, брали воду для хозяйственных надобностей прямо из реки; в ту же реку стекала вся дождевая вода и выливались помои. Результаты огромной работы по благоустройству, проделанной купеческими старшинами, постепенно уничтожаются. Сейчас одни только люди, которым за сорок, помнят еще бурные потоки, стремившиеся по улицам Монмартр, дю Тампль и другим. Поглощавшие их страшные, зияющие жерла совершали в свое время неоценимые благодеяния. Места, где они находились, навсегда останутся заметными: всюду, где проходили эти подземные каналы, почва над ними поднялась; вот еще одна археологическая деталь, которая по прошествии двух столетий станет уже непонятной для историка.

Однажды около 1816 года девочка несла бриллианты для одной актрисы театра Амбигю, которая должна была играть роль королевы. Ее захватило ливнем и потянуло в подземную канаву на улице дю Тампль; она неминуемо бы погибла,

если бы ее не спас прохожий, который услышал, как она кричала; бриллианты она выпустила из рук, их подобрали потом в люке сточной трубы. Происшествие это наделало много шума. После него стали настойчиво требовать ликвидации этих страшных ям, которые уносили не только воду, но и маленьких девочек. Эти своеобразные сооружения были снабжены более или менее подвижными решетками, но, когда местные жители позабывали вовремя поднять решетки, они засорялись, и в период дождей это нередко служило причиной наводнений.

Выставка лавки господина Лекамю была открытой, заднюю сторону ее составляли стекла в свинцовой оправе, отчего во внутреннем помещении было всегда довольно темно.

Богатым людям меха носили на дом. Тем, кто приходил покупать их у меховщиков, товар показывали в открытых помещениях, в галерее, заставленной столами, где в течение всего дня на табуретках сидели приказчики; подобные картины можно было видеть на рынке еще лет пятнадцать тому назад. Сидя на этих передовых постах, приказчики, ученики и ученицы болтали между собою, окликали друг друга, отвечали, останавливали прохожих; этими особенностями тогдашних обычаев воспользовался Вальтер Скотт в «Приключениях Найджела». Вывеска, изображавшая горностаю и подвешенная наподобие того, как это еще и сейчас делается у нас на постоянных дворах, представляла собой кронштейн с поперечною перекладиной позолоченного железа филигран-

ной работы. Над изображением горносталя была надпись; на одной стороне:

ЛЕКАМЮ
МЕХОВЩИК
ИХ ВЕЛИЧЕСТВ КОРОЛЕВЫ И ГОСПОДИНА
НАШЕГО КОРОЛЯ

На другой:

ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЕВЫ-МАТЕРИ И
ГОСПОД ЧЛЕНОВ ПАРЛАМЕНТА

Слова *ее величества королевы-матери* были добавлены совсем недавно. Позолота была еще свежа. Эта замена означала, что государственный переворот совершился. Он был вызван внезапной, насильственной смертью Генриха II, которая положила конец карьере многих придворных и с которой началось возвышение Гизов.

Заднее помещение лавки выходило на реку. В этой комнате обычно и проводили весь день почтенный торговец и его жена демуазель Лекамю. В эти времена жена человека незнатного не имела права называться дамой, но французские короли в благодарность за весьма значительные услуги, которые им оказывали парижские горожане, в качестве одной из дарованных им привилегий закрепили за их женами право именоваться *демуазелями*. Между этой комнатой и лавкой была деревянная винтовая лестница, которая вела на верхний этаж, где помещались сам магазин и спальня супру-

гов, и чердачные помещения с маленькими слуховыми окнами, где жили дети, служанки, подмастерья и приказчики.

Этой скученностью семьи, слуг и учеников и теснотой, в которой они жили, так что ученики спали все вместе в одной большой комнате под стропилами крыши, и объясняется, почему такое огромное население, какое было тогда в Париже, умещалось на какой-нибудь десятой части территории современного города. Становятся понятными и все удивительные подробности частной жизни в средние века и любовные интриги, о которых – да простят меня историки! – мы ничего бы не знали, если бы не новеллы того времени. В эту эпоху у такого, например, именитого вельможи, как адмирал Колиньи, было всего-навсего три комнаты, и свита его помещалась в соседней гостинице. В Париже тогда было около пятидесяти особняков, вернее, впрочем, дворцов, и они принадлежали принцам крови или знатым вельможам, которые жили тогда лучше, чем такие владетельные князья Германии, как герцог Баварский или курфюрст Саксонский.

Кухня дома Лекамю находилась непосредственно под задним помещением лавки у самой реки; в ней была застекленная дверь, выходившая на чугунный балкон: с этого балкона служанка могла черпать ведрами воду, на нем она сушила белье. Заднее помещение служило торговцу одновременно столовой, кабинетом и гостиной.

Эту просторную комнату, обычно отделанную резными панелями, чаще всего украшало какое-нибудь произведение

искусства, например, деревянный сундук. Жители дома весело ужинали здесь после работы: здесь келейно обсуждались политические дела, затрагивавшие интересы купцов и королевскую власть. Грозные парижские цехи могли тогда вооружить до ста тысяч человек. К тому же в те времена за торговцами стояли их слуги, их приказчики, их ученики и их работники. Горожане имели своего главу – *купеческого старшину* – и свой дворец, где они собирались, – здание Парижской ратуши. В этом знаменитом торговом собрании принимались важные решения. Если бы цехи не обессилели от голода и от многочисленных жертв, Генрих IV, этот мятежник, в конце концов сделавшийся королем, никогда, быть может, не вступил бы в Париж. Теперь читатель легко представит себе, как выглядел уголок старого Парижа в том месте, где сейчас находится мост и Цветочная набережная с ее высокими деревьями и где от этих времен не осталось ничего, кроме башни суда, откуда был дан сигнал к Варфоломеевской ночи. Странное дело! Одному из домов, расположенных возле этой башни, окруженной деревянными лавками, дому Лекамю, суждено было стать свидетелем события, подготовившего кровопролитную ночь, последствия которой, к сожалению, оказались все же не столько роковыми, сколько благоприятными для кальвинистов.

II. Реформаты

Ко времени начала этой повести дерзость поборников новой религии встревожила весь Париж. Некий шотландец, по имени Стюарт, убил президента⁸⁵ Минара, того самого судью, которому общественное мнение приписывало главную роль в вынесении смертного приговора советнику Анну дю Буру⁸⁶. Его сожгли на Гревской площади вслед за портным покойного короля, которого пытали в присутствии Генриха II и Дианы де Пуатье. В Париже так тщательно за всеми следили, что стражники даже заставляли прохожих молиться перед статуей мадонны, дабы обнаружить среди них еретиков, которые делали это неохотно, а порою просто отказывались осенить себя крестным знамением, считая, что это несовместимо с их верою.

Оба стражника, приставленные к дому Лекамя, покинули свои посты; поэтому сын меховщика, Кристоф, которого сильно подозревали в том, что он отошел от католичества, смог выйти из дома, не боясь, что его тут же заставят стать на колени перед изображением святой девы. Это было в апреле 1560 года, в семь часов вечера, когда уже начало темнеть. Подмастерья, видя, что и на той и на другой стороне ули-

⁸⁵ Президент – то есть председатель суда.

⁸⁶ Анн дю Бур – французский правовед, протестант, по приказу короля Генриха II был повешен, а потом сожжен как еретик (1559).

цы уже пусто и только по временам появляются отдельные прохожие, стали заносить в помещение выставленные снаружи образцы товаров, чтобы закрыть лавку и запереть двери. Кристоф Лекамю, пылкий двадцатидвухлетний юноша, стоял на пороге и, казалось, следил за входившими и выходившими из лавки подмастерьями.

– Сударь, – сказал один из них Кристофу, указывая ему на какого-то человека, который с нерешительным видом расхаживал взад и вперед по галерее, – верно, это вор или шпион; по всему видно, что это проходимец, а никак не порядочный человек: ведь если у него есть до нас какое дело, он прямо бы подошел и сказал, а не стал бы топтаться здесь на одном месте... А вид-то у него какой! – добавил он и стал передразнивать незнакомца. – Как он прячется под плащом! Какой подозрительный взгляд! Какое исхудавшее лицо!

Когда незнакомец, столь нелестно описанный подмастерьем, увидел на пороге лавки Кристофа, он тут же вышел из-под навеса на противоположной стороне улицы, где он прогуливался, перешел дорогу, прячась под навесом дома Лекамю, и, прежде чем подмастерья вернулись, чтобы закрывать ставни, приблизился к юноше.

– Я Шодье⁸⁷, – сказал он тихо.

Услышав имя одного из самых знаменитых проповедников и самых вдохновенных актеров страшной трагедии, имя

⁸⁷ Шодье, Антуан (1534–1591) – один из активнейших французских кальвинистов.

которой было Реформация, Кристоф задрожал, как задрожал бы какой-нибудь верноподданный крестьянин, увидев перед собой переодетого короля.

– Вы, может быть, хотите взглянуть на меха?.. Хотя сейчас совсем уже поздно, я вам все покажу сам, – сказал Кристоф, чтобы обмануть подмастерьев, шаги которых слышались за его спиной.

Он знаком пригласил посетителя войти, но тот ответил, что предпочитает говорить с ним на улице. Кристоф зашел в дом, взял шапку и последовал за учеником Кальвина.

Приговоренный королевским эдиктом к изгнанию, Шодье, тайный представитель Теодора де Беза и Кальвина, которые, находясь в Женеве, руководили французскими реформатами, все время ездил туда и обратно. Он рисковал подвергнуться той страшной казни, которой парламент, выполняя веления церкви и приказ короля, в качестве страшного примера для остальных подверг одного из своих членов, знаменитого Анна дю Бура. Этот проповедник, брат которого – капитан – был на отличном счету у адмирала Колиньи, являлся одним из рычагов, с помощью которого Кальвин поднял на ноги Францию с самого начала религиозной войны. Война эта, которая вот-вот должна была вспыхнуть, длилась потом целых двадцать два года. Он был одной из тех скрытых пружин, существование которых лучше всего объясняет весь огромный размах Реформации.

Шодье спустился вместе с Кристофом к берегу реки. Шли

они подземным ходом, похожим на тот, который десять лет тому назад проложен под сводом Марион.

Этот подземный ход, начало которого было между домом Лекамю и соседним домом, проходил под улицей Вьель-Пельтри и назывался Мостиком Меховщиков. Красильщики города пользовались им, чтобы промывать в реке свои нитки, шелка и материи. Там на причале стояла лодка, и в ней сидел лодочник. Кроме него, на носу находился какой-то незнакомец невысокого роста, очень просто одетый. После нескольких взмахов весел лодка очутилась на середине Сены, и лодочник направил ее под одну из деревянных арок Моста Менял, где он ловко привязал ее к железному кольцу. Ехали они все молча.

– Здесь мы можем говорить свободно, здесь нет ни предателей, ни шпионов, – сказал Шодье, глядя на обоих незнакомцев. – Достаточно ли у тебя самоотвержения, которое способно воодушевить на мученичество? Готов ли ты на все во имя святого дела? Не страшат ли тебя пытки, которые выпали на долю портного покойного короля и советника дю Бура? Не страшна ли тебе участь, которая ждет почти всех нас? – спросил он Кристофа, и глаза его засияли.

– Я выполню то, что мне повелит моя вера, – просто ответил Лекамю, глядя на окна своего дома. Лампа на столе, при свете которой отец в эту минуту, должно быть, перебирал свои торговые книги, напомнила ему о семейных радостях и о мирной жизни, от которой он отрекался. Картины

этой жизни пронеслись перед ним, мгновенные и всеобъемлющие. Юноша увидел перед собою уголок родного города с его безмятежным, довольным бытом; там протекало его счастливое детство, там жила Бабетта Лаллье, его невеста; там все обещало ему сладостные и тихие дни. Он увидел за один миг свое будущее и пожертвовал всем или, во всяком случае, все поставил на карту. Вот какими были тогда люди!

– Остановимся здесь! – властно сказал лодочник. – Ведь мы знаем, что это один из наших *святых*! Если бы не было шотландца, он убил бы президента Минара.

– Да, – сказал Лекамю, – жизнь моя принадлежит истинной церкви, и я с радостью отдам ее за победу Реформации; над этим я много думал. Я знаю, что она значит для счастья народов. Короче говоря, папизм толкает человека к безбрачию, а Реформация – к семейной жизни. Настало время очистить Францию от паразитов-монахов, отдать их богатства королю; тот ведь рано или поздно все равно продаст их нашему сословию. Положим жизни за наших детей во имя того, чтобы когда-нибудь потомки наши были свободны и счастливы.

Лица всех четырех – нашего юноши, Шодье, лодочника и незнакомца, сидевшего на скамье, – освещенные последними лучами заката, являли собой величественную, достойную кисти большого художника картину, картину, особенно значительную тем, что в ней как бы запечатлелась история того времени, если только верно, что иным людям дано во-

плотить в себе дух эпохи.

Религиозная реформа, начатая Лютером в Германии, Джоном Ноксом – в Шотландии, Кальвином – во Франции, распространялась главным образом среди низших классов общества, которые впервые приобщились к мысли. Если знатные люди и поддерживали движение реформатов, то по причинам отнюдь не религиозного характера. К враждующим партиям присоединились различные авантюристы, разорившиеся вельможи, младшие сыновья дворян, которые готовы были поддерживать любые волнения. Но в душе ремесленников и торговцев жила крепкая вера, основанная к тому же на прямом расчете. Небогатые нации сразу же становились сторонниками этой религии: ведь она стремилась возвратить стране все церковные богатства, уничтожить монастыри и лишить служителей церкви их огромных доходов. Торговые круги учли все выгоды этого религиозного маневра и стали поддерживать его телом, душою и кошельком. Но в лице их сыновей протестантство нашло людей, готовых на любые жертвы, нашло то благородство, которое присуще молодости, еще не тронутой эгоизмом.

Люди незаурядные и проницательные умы – а их всегда немало среди народа – угадывали, что Реформация несет за собою Республику; они хотели изменить государственный строй всей Европы, вроде того, как это было сделано в Соединенных Нидерландах, которые одержали победу над самой могущественной державой той эпохи, над Испанией Фи-

липпа II, представленной в Нидерландах герцогом Альбой. Жан Отоман⁸⁸ обдумывал тогда план своей знаменитой книги, где содержится подобный проект, книги, заложившей во Франции закваску мыслей, которые впоследствии расшевелила еще раз Лига⁸⁹, мыслей, которые подавлял Ришелье, а потом Людовик XIV, но которые снова воспрянули благодаря усилиям энциклопедистов при Людовике XV и взошли при Людовике XVI, находя каждый раз поддержку в младшей ветви королевского дома: поддержку Орлеанской династии в 1789 году, точно так же как династии Бурбонов в 1589 году. Начав мыслить, человек начинает восставать. А всякое восстание – это или плащ, под которым прячется новый государь, или пеленки, в которых шевелится новая диктатура. За спиною Реформации крепнул дом Бурбонов, младшая ветвь Валуа. Во времена, когда наша лодка плыла под аркадами Моста Менял, вопрос этот необычайно усложнился, и причиною этого было честолюбие Гизов, соперничавших с Бурбонами. Поэтому королевская власть, воплотившаяся тогда в Екатерине Медичи, могла выдерживать это сражение целых тридцать лет, сталкивая одних с другими, между тем как впоследствии к этой власти уже не тянулись ничьи руки и она беззащитной предстала перед народом. Ришелье и

⁸⁸ Жан Отоман, настоящее имя – Франсуа Отоман (1524–1590) – французский ученый, философ, протестант.

⁸⁹ Лига. – Католическая Лига 1576 года – объединение французского католического духовенства, дворянства, парижской буржуазии против гугенотов-кальвинистов, возглавляемое герцогами Гизами.

Людовик XIV уничтожили власть знати. Людовик XV уничтожил власть парламента. А когда король остается так, как остался Людовик XVI, один на один с народом, его всегда низвергают.

Кристоф Лекамя принадлежал к самым отважным и преданным сынам своего народа. Его бледное лицо имело тот слегка розоватый оттенок, который иногда бывает свойствен блондинам. Волосы его отливали медным блеском; серо-голубые глаза блестели: они одни говорили о величии его души. В целом в облике его не сквозило ни малейшего стремления подчеркнуть свое превосходство, которое бывает присуще людям образованным, — черты лица его были неправильны и несколько угловаты, подбородок сужен; низкий лоб свидетельствовал всего лишь о большой энергии. Жизненная сила его, пожалуй, легче всего угадывалась в контурах его впалой груди. Кристоф был скорее холерик, чем сангвиник. Его заостренный нос выдавал в нем народную смекалку, а выражение его лица говорило об умении найтись при трудных обстоятельствах, но вместе с тем также и о неспособности охватить умом все обстоятельства жизни в целом. Над его глазами, подобно двум навесам, выдавались надбровные дуги, едва прикрытые белесоватым пушком; глаза были резко окаймлены бледно-голубою тенью. Вокруг носа бледность лица его усиливалась, показывая крайнюю степень экзальтации. Кристоф был представителем народа, который приносит себя в жертву, который сражается и который легко обман-

нуть; у него хватало ума, чтобы понять ту или иную идею и служить ей, но он был слишком благороден, чтобы извлекать из нее выгоду, слишком прямодушен, чтобы себя продавать.

Рядом с единственным сыном Лекамя, Шодье, этот пламенный проповедник, темноволосый, исхудавший от несчетных бдений, с пожелтевшим лицом, с упрямым лбом воина, с выразительным ртом, с горящими карими глазами, с коротким приподнятым подбородком, представлял ту часть христиан, из которой вышло такое множество пастырей Реформации, подлинных фанатиков веры, чье мужество и чей ум воспламеняли народы. Адъютант Кальвина и Теодора де Беза был полной противоположностью сыну меховщика. Он воплощал в себе то живое дело, результаты которого сказались на Кристофе. Иным и нельзя было представить себе мощный источник энергии, питавший народные движения.

Лодочник, человек порывистый, загорелый от ветра, привычный к палящему зною и к холодным ночам, со сжатыми губами, с быстрыми движениями, с желтоватыми, хищными, ястребиными глазами, с черными курчавыми волосами, был одним из тех авантюристов, которые ради успеха дела жертвуют всем, подобно игроку, рискующему своим состоянием. Весь облик его говорил о неистовых страстях, о смелости, которая ни перед чем не отступает. Его лицо и тело одинаково умели и говорить, и хранить молчание. В чертах его было больше отваги, чем благородства. Его вздернутый тонкий нос свидетельствовал о его решимости. Он был проворен и

ловок. Его легко можно было принять за вождя какой-нибудь партии. Если бы не существовало Реформации, из него наверное вышел бы Пизарро⁹⁰, Эрнандо Кортес или Морган Истребитель⁹¹ – словом, человек неудержимых дерзаний.

Незнакомец, который сидел на скамейке, завернувшись в плащ с капюшоном, принадлежал, по-видимому, к самому высшему сословию. Тонкое белье, весь покрой его платья, материя, из которой оно было сшито, аромат духов, фасон и кожа перчаток – все это обличало в нем придворного, точно так же как взгляд и вся его гордая и спокойная осанка выдавали в нем человека военного. От вида его вам сначала становилось не по себе, а потом вы проникались к нему уважением. Человека, который умеет уважать себя сам, уважают и другие. Он был небольшого роста и горбат, но обхождение его сразу заставляло забыть и то и другое. Стоило только сломать лед молчания, как он становился веселым и решительным и в манерах его появлялась необыкновенная живость, которая очень располагала к себе. У него были голубые глаза, нос с горбинкой, общий всем представителям Наваррского дома, и тот ясно выраженный испанский тип, черты которого стали потом столь характерными в лицах королей из династии Бурбонов. После нескольких незначитель-

⁹⁰ Пизарро, Франсиско (1471–1541) – испанский завоеватель Перу, с неслыханной жестокостью проводил колонизацию захваченных земель. Кортес, Эрнандо (1485–1547) – завоеватель Мексики, беспощадно истреблял местное население.

⁹¹ Морган Истребитель – один из главарей флибустьеров – морских пиратов XVII века, грабивших главным образом испанские корабли.

ных слов, которыми они обменялись, разговор их приобрел большой интерес.

– Итак, – сказал Шодье, едва только Лекамю кончил говорить, – лодочник – это Ла Реноди, и это монсеньор принц Конде, – добавил он, указывая на горбуна.

Словом, эти четыре человека представляли собой веру народа, дар убеждения, силу солдата и королевскую власть, укрывавшуюся в тени.

– Сейчас ты услышишь, чего мы от тебя хотим, – сказал посланец Кальвина после паузы, которая привела в удивление молодого Лекамю. – Чтобы ты ни в чем не ошибся, нам придется посвятить тебя в самые сокровенные тайны Реформации.

Когда он замолчал, чтобы выслушать, что по этому поводу скажет принц, Конде и Ла Реноди знаками попросили его продолжать! Подобно всем высокопоставленным лицам, которые, принимая участие в заговоре, выступают, как правило, только в решительную минуту, принц предпочитал молчать, и причиной его молчания была отнюдь не трусость: в это время он был душою заговора, не отступал ни перед какими опасностями и ежечасно рисковал жизнью. Однако на этот раз какое-то чувство собственного величия и превосходства заставило его поручить все объяснения проповеднику, и он только внимательно разглядывал новичка, которого им предстояло использовать в своих целях.

– Дитя мое, – начал Шодье в манере, характерной для гу-

генотов, — мы готовим тебя к первой битве с римской блудницей. Через несколько дней или погибнут Гизы, или наших воинов казнят на эшафоте. Дело идет к тому, что скоро король и обе королевы окажутся в нашей власти. В эти дни во Франции люди нашей веры впервые берутся за оружие, и знай, что Франция не сложит его до полной победы: пойми, что здесь речь идет не о государстве, а о целой нации. Большинство французской знати видит, к чему стремятся кардинал Лотарингский и брат его герцог. Под предлогом защиты католицизма Лотарингский дом⁹² хочет добиться французской короны, считая, что она принадлежит ему по праву. Дом этот опирается на церковь и в ее лице имеет необычайно могущественного союзника: монахи стали его опорой, его приспешниками, его шпионами. Лотарингская династия хочет уверить всех, что она опекает трон, а на самом деле она стремится его захватить; покровительствуя дому Валуа, она хочет стереть этот дом с лица земли. Мы решили взяться за оружие, потому что дело идет одновременно и о свободе народа и об интересах знати, которая также находится под угрозой. Давайте уничтожим сразу этих крамольников, столь же отвратительных, как и бургиньоны, которые некогда предали Францию огню и мечу. Тогда нужен был Людовик Одиннадцатый, чтобы положить конец посягательствам бургиньонов, ну, а в наши дни принц Конде сумеет остановить Лотарингцев. Это никак не гражданская война, это — едино-

⁹² Лотарингский дом — см. прим. к стр. 13.

борство между Гизами и Реформацией, борьба не на жизнь, а на смерть: или погибнут они, или мы сложим наши головы.

– Хорошо сказано! – воскликнул принц.

– При таком положении, Кристоф, – добавил Ла Реноди, – мы не хотим пренебрегать ничем, что могло бы увеличить нашу партию, ибо реформаты – это партия людей, чьи интересы ущемлены, это дворяне, принесенные в жертву Лотарингцам, это старые полководцы, которых сейчас унижают в Фонтенбло: кардинал изгнал их оттуда и велел поставить виселицы, чтобы вешать тех, кто просит у короля денег за смотры и свое невыплаченное жалованье.

– Вот, дитя мое, – снова заговорил Шодье, заметив на лице Кристофа выражение ужаса, – вот что заставляет нас добиваться победы с помощью оружия, вместо того, чтобы убеждать людей идти на муки. Королеве в наших планах тоже отведено место, и не потому, что она сама хочет отказаться от своих прав. Нет, она далека от этой мысли, но ей все равно придется это сделать, если мы победим. Как бы там ни было, королева Екатерина, униженная и приведенная в отчаяние тем, что власть, которую она после смерти короля мечтала захватить в свои руки, перешла вместо этого в руки Гизов, напуганная растущим влиянием юной Марии, племянницы Лотарингцев и их союзницы, по всей вероятности, согласится поддержать тех принцев и вельмож, которые готовы выступить, чтобы освободить ее. В настоящее время, несмотря на то, что она делает все, чтобы ее счи-

тали сторонницей Гизов, она в действительности их ненавидит, она хочет их гибели и готова для этого обратить нас против них. Но монсеньор сам сумеет обратить ее против всех. Королева-мать согласится с нашими планами. На нашей стороне будет коннетабль: монсеньор только что виделся с ним в Шантильи, но коннетабль ничего не предпримет без приказа своих повелителей. Он приходится дядей монсеньору и ни за что не оставит его без помощи в тяжелую минуту, а ведь наш великодушный принц без колебаний пойдет сам на любой риск, чтобы заставить Анна де Монморанси принять решение. Все уже готово, и когда мы стали думать о том, кого послать, чтобы сообщить королеве Екатерине условия нашего союза с ней, проекты указов и создания нового правительства, наш выбор пал на тебя. Двор сейчас в Блуа. Там немало наших; но все это наши будущие вожди, и точно так же, как монсеньор, – сказал он, кивая на принца, – они должны быть вне всякого подозрения; ради них все мы должны пожертвовать собой. За королевой-матерью и за нашими друзьями так тщательно и неотступно следят, что мы лишены возможности воспользоваться посредничеством человека, сколько-нибудь известного или занимающего важную должность: он сразу же возбудит подозрения, и ему не дадут увидаться с Екатериной. Нам надо, чтобы господь послал нам пастуха Давида с его пращой, дабы тот поразили Голиафа – де Гиза. Отец твой, на свое несчастье, правоверный католик, является меховщиком обеих королей и по-

стоянно выполняет их заказы. Добейся же, чтобы он послал тебя ко двору. Ты ни в ком не вызовешь подозрения и ничем не скомпрометируешь королеву. Все наши вожди могут заплатить головой, если какое-нибудь безрассудство даст повод считать, что королева в сговоре с ними. Если попадется кто-нибудь из людей знатных, это будет поводом для тревоги, в то время как человек незначительный, вроде тебя, никем не будет замечен. Берегись! У Гизов столько шпионов, что лишь в середине реки можно говорить, не оглядываясь. Так вот, сын мой, ты, как верный страж, должен умереть на своем посту. Помни это! Если тебя схватят, мы все отречемся от тебя; если это понадобится, мы оклеветаем тебя и смешаем с грязью. В случае нужды мы скажем, что ты подослан Гизами и они заставили тебя играть эту роль, дабы нас погубить. Словом, знай, ты должен пожертвовать всем.

– Если ты погибнешь, – сказал принц Конде, – клянусь тебе честью дворянина, твоя семья станет для Наваррского дома священной. Я буду носить ее имя в своем сердце и сделаю для нее все, что смогу.

– С меня довольно этих слов, – ответил Кристоф, которому не пришло даже в голову, что этот мятежник – гасконец. – Мы живем в такое время, когда каждый, будь он принц или горожанин, обязан выполнять свой долг.

– Вот истинный гугенот. Если бы все наши люди были такими, – сказал Ла Реноди, кладя руку на плечо Кристофу, – победа была бы за нами.

– Послушай, юноша, – добавил принц, – я хочу, чтобы ты знал, что если Шодье проповедует, если дворянин вооружается, то принц дает бой. Поэтому в этом горячем деле все доли равны.

– Вот что, – сказал Ла Реноди, – бумаги я передам тебе только в Божанси, – тебе нельзя рисковать ими во время твоего длинного пути. Ты отыщешь меня в порту. У меня будет другой вид, другой голос, другая одежда, и узнать меня будет нельзя. Но я спрошу тебя: «Ты орлеанец?» – а ты мне ответишь: «К вашим услугам». А как надо ехать, я тебе сейчас расскажу. Лошадь ты найдешь в таверне «Расписная кружка», неподалеку от Сент-Жермен-Лосеруа. Ты спросишь там Жана Бретонца, он сведет тебя в конюшню и даст тебе одну из моих лошадей, а та свободно пробежит за восемь часов тридцать лье. Выезжай через ворота Бюсси, у Бретонца есть мой пропуск, бери его – и в путь. Все города тебе следует объезжать. Ранним утром ты будешь в Орлеане.

– А лошадь? – спросил молодой Лекамяю.

– Она не выйдет из строя раньше времени. Оставь ее при входе в предместье Баннье. Городские ворота хорошо охраняются, и не следует возбуждать подозрений. Теперь, друг, все будет зависеть от того, как ты справишься со своей задачей. Придумай какой-нибудь предлог, чтобы зайти в третий дом слева. Это дом некоего Турильона, перчаточника. Постучи три раза в дверь и крикни: «Служу герцогам Гизам!» Хозяин дома считается ярым сторонником Гизов, и только

мы вчетвером знаем, что он наш. Он даст тебе надежного лодочника, тоже сторонника Гизов, разумеется, такого же покроя, как и он сам. Немедленно же отправляйся в порт и садись там в зеленую лодку с белой каймой. Завтра к полудню ты пристанешь в Божанси. Там я велю приготовить для тебя другую лодку; на ней ты сумеешь в безопасности добраться до Блуа. Наши враги Гизы не обращают внимания на берега Луары и охраняют только порты. Таким образом, ты сможешь увидаться с королевой в тот же день или самое позднее на следующее утро.

– Ваши слова начертаны у меня здесь, – сказал Кристоф, притрагиваясь ко лбу.

Охваченный порывом религиозного чувства, Шодье обнял своего питомца. Он гордился им.

– Да хранит тебя господь, – сказал он, показывая на закат, который обливал багрянцем крытые гонтом дома и пронизывал своими лучами целую чашу балок, среди которых клочкотала вода.

– Ты настоящий сын своего народа, – сказал Ла Реноди Кристофу, пожимая ему руку.

– Мы еще увидимся, *сударь*, – заверил его принц, необычайно милостиво, чуть ли не дружески прощаясь с ним.

Одним взмахом весла Ла Реноди доставил юного заговорщика на ступени лестницы, которая вела в дом, и лодка тотчас же исчезла под аркадами Моста Менял.

Кристоф стал трясти железную калитку, которая вела от

реки на лестницу, и крикнул; г-жа Лекамя услышала его, открыла одну из ставней задней комнаты и спросила, как он сюда попал. Кристоф ответил, что на реке холодно и надо сначала открыть, ему дверь, а потом уже спрашивать.

– Хозяин, – сказала служанка-бургундка, – вы ушли через улицу, а возвращаетесь по воде? Подумайте, как батюшка рассердится.

Кристоф, все еще под впечатлением встречи с принцем Конде, Ла Реноди и Шодье и еще более потрясенный известием о гражданской войне, которая вот-вот должна была разразиться, ничего не ответил. Он стремительно поднялся из кухни в заднюю комнату; увидав его, старуха мать, ярая католичка, была не в силах сдержать свой гнев.

– Я готова поклясться, что те трое, с которыми ты говорил там, – это реформаты. Не так ли? – спросила она.

– Замолчи, жена, – предусмотрительно одернул ее седовласый старец, листавший в это время толстую книгу. – А вы, бездельники, – обратился он к трем юношам, которые давно уже кончили ужинать, – чего вы спать не ложитесь? Уже восемь часов, вам ведь утром в пять часов вставать. Не забудьте, надо отнести шапку и мантию президенту де Ту. Идите туда все втроем да прихватите с собой палки и рапиры. По крайней мере, если вам повстречаются какие-нибудь шалопаи, вроде вас самих, вы сумеете с ними справиться.

– А надо ли брать с собой горностаевый казакин, что молодая королева себе заказала, тот, который мы должны от-

править во дворец Суассон, или будет нарочный в Блуа и к королеве-матери? – спросил один из приказчиков.

– Нет, – ответил синдик, – счет королевы Екатерины достиг уже трех тысяч экю; пора получить по нему деньги, я думаю для этого сам поехать в Блуа.

– Отец, я не допущу, чтобы вы в ваши годы да еще в такое время подвергались опасности на дорогах. Мне уже двадцать два года, и вы можете послать туда меня, – сказал Кристоф, украдкой поглядывая на сундук, где был спрятан казакин.

– Вы что, прилипли, что ли, к скамейке? – закричал старик на своих подмастерьев, которые сию же минуту схватили свои рапиры, плащи и меха г-на де Ту.

На другой день парижский парламент принимал во дворце своего нового президента – этому знаменитому человеку, который подписал смертный приговор советнику дю Буру, суждено было еще в том же году судить принца Конде.

– Послушай, Бургундка, – сказал старик, – сходи-ка ты к куму Лаллье да пригласи его с нами поужинать. Пусть он только вина прихватит, а еда вся наша. Да скажи ему, чтобы непременно дочку с собой приводил.

III. Горожане

Синдик⁹³ цеха меховщиков был благообразным стариком лет шестидесяти с седыми волосами и широким открытым лбом. Будучи в течение сорока лет поставщиком двора, он пережил перевороты, происходившие в царствование Франциска I, и удержался на своем месте, несмотря на все женские распри вокруг трона. Он был свидетелем появления при дворе юной Екатерины Медичи, которой тогда еще не было и пятнадцати лет, он видел, сколько унижений ей пришлось вынести при герцогине Этампской, любовнице ее свекра, видел, как ее унижала герцогиня де Валентинуа, любовница ее мужа, покойного короля. Но нашему меховщику удалось пережить все эти разительные перемены, не в пример многим другим поставщикам двора, благополучию которых приходил конец, когда та или иная любовница короля впадала в немилость. Он был столь же благоразумен, сколь и богат. Вел он себя до крайности скромно. Гордыня ни разу не заманила его в свои сети. Этот купец при дворе в присутствии принцесс, королев и королевских любовниц умел прикинуться тихим, незаметным, смиренным и уступчивым, и не что иное, как это добродушие и скромность, помогло ему сохранить свою торговлю.

⁹³ Синдик – представитель общины или корпорации ремесленников, уполномоченный на ведение дел.

Таким дипломатом мог быть только человек очень хитрый и проницательный. Но чем больше смирения он проявлял, общаясь с людьми посторонними, тем более деспотичным он становился в стенах собственного дома: там все были в его власти. В своей отрасли торговли он занимал первое место, и поэтому его собратья относились к нему с большим почтением. К тому же он охотно оказывал людям разные услуги, и среди всего, что он для них делал, несомненно, самой значительной была та помощь, которую он в течение долгого времени оказывал знаменитому хирургу XVI века Амбруазу Паре; тот получил благодаря ему возможность целиком отделиться своей науке. Когда возникали какие-либо недоразумения между купцами, Лекамя всегда выступал в роли примирителя. Таким образом, всеобщее уважение закрепило его позиции среди равных ему, в то время как своей показною кротостью он снискал себе расположение двора.

После того как в результате этой хитрой и ловкой политики он сумел вырасти в глазах всех своих собратьев по ремеслу, он стал делать все для того, чтобы сохранить репутацию благочестивого человека в глазах кюре церкви Сен-Пьеро-о-Беф, который считал его одним из самых ревностных католиков в Париже. Поэтому, как только были созваны Генеральные штаты, под влиянием парижских кюре, которое в те времена было огромно, он был единогласно избран туда в качестве представителя третьего сословия.

Этот старик был одним из тех тайных и закоренелых че-

столюбцев, которые добрых пятьдесят лет готовы унижаться перед всеми и каждым, вымогая себе должность за должностью, причем никто даже не подозревает, как эта должность им достается. И что же, на старости лет они достигают таких высот, о которых в молодые годы даже наиболее дерзновенные из них не смели мечтать: так далека была цель, столько раз обрывы преграждали путь к ней и так легко было сорваться в пропасть! Лекамю, который втайне сумел скопить огромное состояние, не хотел ничем рисковать и готовил блестящее будущее для своего сына. Вместо честолюбия личного, которое жертвует будущим во имя настоящего, у него было честолюбие семейное, чувство, уже утраченное в наши дни и сведенное на нет нашим законодательством о правах наследования⁹⁴. Лекамю уже представлял своего внука первым президентом парижского парламента и отождествлял себя с ним.

Кристоф, крестник знаменитого историка де Ту, получил прекрасное образование; но образование это породило в нем дух сомнения и страсть к исследованию, которыми были заражены тогда студенты и все университетские факультеты. Кристоф готовился стать адвокатом – это была первая ступень на судейском поприще. Старый меховщик делал вид, что никак не может решить, какая карьера больше всего под-

⁹⁴ ...чувство... сведенное на нет нашим законодательством о правах наследования. – Гражданский кодекс, введенный в действие Наполеоном в 1804 году, отметил преимущественное право наследования старших детей.

ходит для его сына; иногда казалось, что он хочет сделать из него адвоката, в действительности же он домогался для него места советника парламента. Этот купец хотел, чтобы род Лекамю сравнялся с теми древними и знаменитыми парижскими купеческими родами, из которых вышли Паскье, Моле, Мирон, Сегье, Ламуаньон, дю Тилле, Лекуанье, Лескалопье, Гуа, Арно, знаменитые эшевены и купеческие старшины – защитники трона. Поэтому, для того чтобы Кристоф мог оказаться достойным той должности, которую он ему прочил, старик собирался женить его на дочери самого богатого ювелира столицы, своего кузена Лаллье, племяннику которого выпало на долю передавать Генриху IV ключи Парижа. Но этот купец лелеял и еще один тайный план: половину своего состояния и половину состояния ювелира ему хотелось употребить на приобретение большого дворянского поместья, что в ту пору было делом трудным и требовавшим немало времени. Однако этот тонкий политик слишком хорошо знал свое время и не мог не понимать, какие огромные перемены назревают вокруг: он ясно предвидел, что государство разделяется на два лагеря, и последующие события показали, что он был прав. Бессмысленные казни на площади Эстрапад, казнь портного Генриха II, совсем недавняя казнь советника Анна дю Бура, сговор фаворитки с реформатами в царствование Франциска I и недавний сговор с ними высшей знати – все это были зловещие признаки. Меховщик решил, что бы ни случилось, оставаться католиком, роялистом

и сторонником парламента, но *in petto*⁹⁵ он хотел, чтобы его сын принадлежал к Реформации. Он считал себя достаточно богатым, чтобы выкупить Кристофа, если тот слишком себя скомпрометирует, и надеялся, что, если Франция обратится в кальвинизм и Парижу будут грозить уличные бои, его сын сможет стать спасителем всей семьи. А память о таких боях, возобновлявшихся и в последующие четыре царствования, была жива среди горожан. Но всеми этими мыслями старый меховщик, точно так же как и Людовик XI, не делился даже с самим собою: он был настолько хитер, что умел обманывать и жену и сына. Этот властный человек давно уже возглавлял самый богатый, самый населенный квартал Парижа, его центр, – он именовался квартальным старшиной, а это была должность, которая через пятнадцать лет приобрела завидную популярность. Одетый в суконное платье, подобно всем благоразумным купцам своего времени, которые повиновались законам, направленным против роскоши, сьер Лекамю (а он носил это звание, которым Карл V удостоил парижских горожан, разрешив им покупать земельные угодья, а их женам называться звучным именем – демуазель) не носил ни золотой цепи, ни шелков, а только добротную куртку с большими пуговицами из черненого серебра, суконные штаны и кожаные ботинки с пряжками. Из-под его полурасстегнутой куртки виднелась тонкая полотняная навывпуск рубаша, собранная в буфы, как этого требовала тогдашняя мода.

⁹⁵ В глубине души (*int.*).

Хотя крупное и красивое лицо старика было хорошо освещено лампой, Кристоф никак не мог догадаться, какие мысли скрывались под его голландским румянцем. Но он все же понимал, на что рассчитывал старый Лекамя, поощряя его чувства к Бабетте Лаллье. Поэтому, как человек, уже сделавший выбор, Кристоф, услышав, что отец пригласил его невесту, только усмехнулся, и в усмешке этой была горечь.

Когда Бургундка ушла вслед за подмастерьями, старик Лекамя поглядел на жену. В этом взгляде можно было прочесть весь его характер, суровый и непоколебимый.

– Тебе, должно быть, хочется с твоим проклятым языком, чтобы нашего сына повесили! – сказал он сурово.

– Да, по мне лучше было бы, чтобы его осудили, но чтобы он сподобился спасения, чем видеть его живым, но гугенотом, – мрачно ответила она. – Подумать только, что ребенок, который девять месяцев пробыл в моей утробе, изменил католической вере и спутался с этой нечистью, что он на веки вечные пойдет в ад!

Она принялась плакать.

– Глупая тварь! – возмутился меховщик. – Пусть он лучше все-таки остается в живых, даже если его и обратят в другую веру! А ты вот при подмастерьях сказала такие слова, за которые люди могут сжечь наш дом и нас всех поджарить живыми, как клопов в тюфяке.

Жена его перекрестилась, села и замолчала.

– Ну, а ты, – сказал старик, бросив на сына укоризненный

взгляд, — Расскажи-ка мне, что ты делал там на реке вместе с... Подойди-ка поближе, и я тебе кое-что скажу, — добавил он, обняв юношу и притянув его к себе, — ...с принцем Конде, — прошептал он на ухо Кристофу, так что тот весь задрожал. — Или ты думаешь, что придворный меховщик не знает всех тайн двора? Что же, я, по-твоему, не вижу, что делается вокруг? Главнокомандующий отдал приказ стянуть все войска в Амбуаз. Увести армию из Парижа и отправить ее в Амбуаз, в то время как двор находится в Блуа, заставить войска идти через Шартр и Вандом вместо того, чтобы вести их по Орлеанской дороге! Разве цель этого не ясна? Все это неспроста. Если королевам нужны казакины, они за ними пришлют. Очень может быть, что принц Конде решил убить обоих Гизов, а те, может быть, в свою очередь, хотят отделаться от него. Защищаясь, принц прибегнет к услугам гугенотов. А что делать во всей этой суматохе сыну меховщика? Когда ты женишься, когда ты станешь адвокатом в парламенте, ты будешь таким же благоразумным, как твой отец. Прежде чем обратиться в новую веру, сын меховщика должен подождать, пока это сделают все остальные. Я нисколько не осуждаю реформатов, какое мне до них дело? Но двор состоит из католиков, обе королевы — католички, в парламенте одни католики. И мы, поставщики, тоже должны быть католиками. Ты никуда отсюда не уйдешь, Кристоф, или я отправлю тебя к президенту де Ту, твоему крестному, и тот будет стеречь тебя по ночам, а днем заставит чернить пером

бумагу вместо того, чтобы эти проклятые женевцы чернили тебе душу на своей кухне.

– Вот что, отец, – сказал Кристоф, облокачиваясь на спинку кресла, в котором сидел старик, – пошлите меня в Блуа отвезти королеве-матери ее казакин и получить с нее деньги по счету. Иначе я погиб! А вы ведь меня любите?

– Погиб? – повторил старик, не выказывая, однако, ни малейшего изумления. – Если ты останешься здесь, ты не погибнешь. Я всегда могу тебя отыскать.

– Меня убьют.

– Убьют? За что?

– Самые ярые из гугенотов остановили свой выбор на мне: я должен кое-что для них сделать, и если я не выполню того, что только что им обещал, они убьют меня среди бела дня на улице, как убили Минара. Но если вы отправите меня ко двору по своим делам, то, может быть, я сумею оправдаться перед обеими сторонами. Одно из двух: или я добьюсь успеха, не рискуя при этом ничем, и таким образом обеспечу себе достойное место в их партии, или, если дело окажется слишком опасным, я ограничусь только тем, что выполню ваше поручение.

Старик вскочил с кресла, как будто оно было из железа, которое раскалили.

– Жена, – сказал он, – оставь нас одних и покарауль, чтобы никто сюда не зашел, нам надо поговорить.

Когда демуазель Лекамя вышла, меховщик взял сына за

пуговицу и увел его в дальний угол комнаты, выходявший на выступ моста.

— Кристоф, — сказал он ему на ухо таким же шепотом, каким он произносил имя принца Конде, — будь гугенотом, если ты, на горе себе, им стал, но только будь им в душе, ибо этого требует благоразумие, и не давай повод соседям показывать на тебя пальцами. Из твоих слов я вижу, как доверяют тебе твои вожди. Что же ты собираешься делать при дворе?

— Трудно сказать, — ответил Кристоф, — я сам еще хорошенько не знаю.

— Гм! Гм! — пробурчал старик, глядя на сына. — Этот молодчик хочет потешиться над отцом, он далеко пойдет.

Так вот, — заговорил он снова, совсем тихо, — ты едешь ко двору вовсе не для того, чтобы засвидетельствовать свое почтение обоим Гизам или королю, нашему господину, или молодой королеве Марии. Все они верные католики. Но я готов поклясться, что у Итальянки есть зуб против Шотландки и против Лотарингцев, я ведь ее знаю: ей чертовски хотелось взяться за все самой! Покойный король так ее боялся, что вел себя точь-в-точь как ювелир: он резал один алмаз другим, затмил одну женщину другой. Вот отчего королева Екатерина так возненавидела бедную герцогиню де Валантинуа, у которой она отобрала ее чудесный замок в Шенонсо. Если бы не господин коннетабль, то герцогиню, во всяком случае, уже придушили бы... Берегись, сын мой! Не попадайся в руки этой итальянки с ледяным сердцем; от таких женщин на-

до держаться подальше! Да, дело, которое тебе поручили при дворе, принесет тебе немало печали! – вскричал отец, видя, что Кристоф снова собирается ему ответить. – Дитя мое, я подумал о том, кем ты будешь, и даже если ты окажешь услугу королеве Екатерине, это не помешает моим планам осуществиться; только, бога ради, прошу тебя, не рискуй головой! А герцоги Гизы преспокойно ее отрежут, так же вот, как наша Бургундка режет репу, ибо люди, которые воспользовались тобою, отрекутся от тебя.

– Я это знаю, отец, – сказал Кристоф.

– Значит, у тебя хватит силы? Ты знаешь, и ты все-таки рискуешь?

– Да, отец.

– Провалиться бы им всем! – вскричал старик, крепко обняв юношу. – Мы ведь понимаем друг друга: ты достойный сын своего отца, дитя мое, ты прославишь нашу семью, и я вижу, что твоему старику отцу можно говорить, с тобой по душам. Только не будь гугенотом больше, чем сам Колиньи! Не обнажай шпаги: тебе предстоит взяться за перо; готовься лучше к своей будущей роли судейского. Хорошо, ты мне все расскажешь потом, когда дело будет сделано. Если через четыре дня после твоего прибытия в Блуа ты ничего о себе не сообщишь, это будет означать, что ты в опасности. Старик отправится на выручку своего дитяти. Уж если я тридцать два года продавал меха, так я, верно, знаю и подкладку придворных платьев. Я сумею добиться, чтобы передо мной

распахнулись все двери.

Услыхав эти слова отца, Кристоф изумился. Но вместе с тем он заподозрил, что старик устраивает ему какую-то ловушку, и замолчал.

— Ну, так готовьте счет, пишите письмо королеве; я хочу ехать сию же минуту, иначе мне грозит большая беда.

— Ехать сейчас? А как?

— Я куплю себе лошадь... Пишите же, ради бога!

— Скорее, мать! Дай денег твоему сыну! — крикнул меховщик жене.

Та вошла в комнату, поспешно открыла сундук и передала Кристофу кошелек с деньгами. Тронутый до глубины души, юноша обнял мать.

— Счет уже давно готов, — сказал старый меховщик, — вот он. Сейчас я напишу письмо.

Кристоф взял счет и положил его в карман.

— Ну, а теперь ты, во всяком случае, поужинаешь с нами, — сказал старик. — Обстоятельства настолько серьезны, что тебе и дочери Лаллье надо обменяться кольцами.

— Ну, хорошо, я сейчас схожу за ней! — воскликнул Кристоф.

Юношу смущала нерешительность отца, он еще недостаточно знал его характер; он поднялся к себе в комнату, оделся. Взял свою дорожную сумку, потом неслышно спустился вниз и положил ее под прилавок вместе с рапирой и с плащом.

– Черт возьми, что это ты делаешь? – спросил отец, услышав его шаги.

Кристоф расцеловал старика в обе щеки.

– Я не хочу, чтобы кто-нибудь видел, что я готовлюсь к отъезду: я все сложил под прилавком, – ответил он ему шепотом.

– Вот письмо, – сказал отец.

Кристоф взял его и вышел из дома, как будто для того, чтобы сходить за своей молоденькой соседкой.

Через несколько минут после его ухода явился старик Лаллье вместе с дочерью и служанкой, которая несла три бутылки старого вина.

– Ну, а где же Кристоф? – спросили старики Лекамя.

– Кристоф? – воскликнула Бабетта. – Да мы его и не видели.

– Нечего сказать, хорош сынок! Он меня водит за нос так, как будто мне двадцать лет. Что же теперь делать, кум? Мы живем в такое время, когда дети умнее своих отцов.

– Да, но ведь наш квартал давно уже считает его еретиком, – сказал Лаллье.

– А вы его защищайте, кум, – ответил Лекамя старику ювелиру. – Конечно, молодежь легкомысленна, она гоняется за всем новым; однако с Бабеттой он успокоится. Она ведь для него позанятнее, чем Кальвин.

Бабетта улыбнулась: она любила Кристофа и принимала к сердцу все, что говорилось против него. Это была девушка из

старинного купеческого рода, воспитанная под неусыпным надзором матери; манеры ее были так же мягки и гармоничны, как и ее лицо; одета она была в шерстяное платье скромного серого цвета; ее простенькая косынка резко выделялась на этом фоне своей белизной; на голове у нее была коричневая бархатная шапочка, очень похожая на детский капор, но отделанный рюшем и бахромой песочного цвета. Несмотря на то, что она была блондинкой с бледным, как у всех блондинок, лицом, казалось, что в ней есть какая-то хитрость и тонкое лукавство, которые она, однако, старалась спрятать под обличьем благовоспитанной девушки. Пока обе служанки бегали туда и сюда, накрывая стол скатертью и ставя на него кувшины, большие оловянные блюда и приборы, меховщик и его жена стояли возле высокого камина с ламбрекенами из красной саржи, окаймленными черною бахромою, и говорили о всяких пустяках. Напрасно Бабетта старалась узнать, куда скрылся Кристоф: отец и мать нашего юного гугенота давали на все уклончивые ответы. Но когда обе семьи сели за стол и служанки вышли на кухню, Лекамя сказал своей будущей невестке:

– Кристоф уехал ко двору.

– В Блуа! Отравился в такой длинный путь и даже не попрощался со мной! – вскричала девушка.

– Медлить было нельзя, – возразила старуха мать.

– Куманек, – сказал меховщик, продолжая прерванный разговор, – заваруха во Франции начинается, реформаты

поднимают голову.

– Победы они могут добиться только кровопролитными войнами, и тогда всей нашей торговле придется плохо, – отозвался Лаллье, который на все смотрел только с точки зрения интересов торгового дела.

– Мой отец, на глазах которого кончились войны бургиньонов и арманьяков, говорил мне, что семье нашей было бы не спастись, если бы один из его дедов, отец его матери, не принадлежал к роду Гуа, тех знаменитых мясников парижского рынка, которые держали сторону бургиньонов, в то время как другой – Лекамю – принадлежал к партии арманьяков; на людях они готовы были перегрызть друг другу горло, но у себя дома они отлично находили общий язык. Поэтому будем пытаться спасти Кристофа; может быть, и он когда-нибудь спасет нас.

– Я вижу, что вы человек дошлый, кум, – сказал ювелир.

– Нет, – ответил Лекамю. – Но купцам надо думать о себе. И народ и дворяне хотят им зла. Парижские купцы внушают страх всему миру, кроме самого короля, который знает, что они ему верны.

– Вы человек ученый и столько всего видели, – робко попросила Бабетта, – объясните же мне, чего хотят эти реформаты?

– Да, скажите, кум! – воскликнул ювелир. – Я знал портного покойного короля и был уверен, что это человек без всяких задних мыслей и что он не блещет никакими особен-

ными талантами. Он ведь вроде нас был и такой жизни, что чуть ли не без исповеди мог к причастию идти. И что же, оказывается, он был одним из заправил этой новой веры! Подумать только, голову его оценили в несколько сот тысяч экю!

– Должно быть, он и вправду какие-то тайны знал, если и сам король, и герцогиня Валантинуа присутствовали, когда его пытали.

– И страшные тайны! – сказал меховщик. – Если Реформация победит, друзья мои, – добавил он, понизив голос, – церковные земли неминуемо отойдут к торговцам. После того как будут уничтожены все привилегии церкви, реформаты собираются потребовать, чтобы дворян уравнили в податях с купцами и чтобы король правил один, если только вообще они оставят в стране короля.

– Как, свергнуть короля! – вскричал Лаллье.

– Эх, кум, – сказал Лекамя, – в Нидерландах купцы сами управляют страной при помощи эшевенов, которые выбирают из своего числа временного правителя.

– Видит господь, кум, всего этого можно отлично добиться и оставаясь католиками! – вскричал ювелир.

– Мы с вами слишком уже стары, чтобы видеть победу парижских горожан, но знайте, кум: наступит время, когда они победят. Ах, как надо, чтобы мы понадобились королю, когда трон его будет в опасности, мы ведь до сих пор всегда умели выгодно продавать свою помощь! Последний раз все купцы получили дворянство, им было позволено покупать

дворянские поместья и носить дворянские имена, не испрашивая на это всякий раз особого разрешения короля. А скажите, вы или я, внук самого Гуа по женской линии, разве мы не достойны того, чтобы стать вельможами?

Эти слова настолько напугали ювелира и обеих женщин, что в комнате воцарилось глубокое молчание. В крови Лекамя начинала уже бродить закваска 1789 года; он был еще не настолько стар, чтобы не предвидеть, как далеко пойдет буржуазия в Лиге.

– Ну, а на торговле вся эта перепалка не отразилась? – спросил Лаллье у жены Лекамя.

– Ей это всегда вредит, – ответила та.

– Вот поэтому-то я и хочу сделать своего сына адвокатом, – сказал Лекамя, – чего другого, а кляуз на наш век хватит.

После этого разговор перешел на самые заурядные предметы, к большому удовольствию ювелира, который недолюбливал и политические смуты, и полет мысли.

IV. Замок Блуа

Берега Луары от Блуа до Анже были излюбленным местопребыванием двух последних ветвей королевской династии, которые царствовали перед Бурбонами. Этот чудесный край действительно заслужил ту честь, которую ему оказали короли. Вот что писал о нем один из наших изящнейших писателей:

«Во Франции есть провинция, которой никогда нельзя налюбоваться. Благоуханная, как Италия, цветущая, как берега Гвадалквивира, полная своего особого обаяния, она всегда была и остается подлинно французской, в отличие от наших северных провинций, которые выродились в силу общения с немцами, от нашего Юга, где исконное население смешивалось с маврами, с испанцами и с кем угодно. Эта чистая, целомудренная, храбрая и верная своим королям провинция – Турень! Это живая история Франции! Овернь – это Овернь, Лангедок – не более чем Лангедок, но Турень – это Франция, и наша самая национальная река – это Луара, которая орошает Турень. Вот чем объясняется изобилие исторических памятников в различных департаментах, названия которых идут от Луары. С каждым шагом в этой стране очарования открываются все новые картины, обрамленные контурами реки или спокойным овалом пруда, глубокие воды которого отражают замок, его башни, леса и бьющие из-под

земли ключи. И нет ничего удивительного, что там, где пребывали короли, где столько лет находился двор, собирались все самые богатые, самые знатные и самые заслуженные люди и что они воздвигли там дворцы, достойные их величия».

Однако непонятно, почему короли не прислушались к мнению, которое высказал однажды Людовик XI, – переместить столицу страны в Тур. Там без больших затрат Луару можно было бы сделать доступной для торговых судов и для небольших военных кораблей. Там резиденция правительства была бы защищена от вторжения врага. Северные крепости не потребовали бы таких средств на свое оснащение – а ведь оно стоит не меньше, чем вся роскошь Версаля. Если бы Людовик XIV внял совету Вобана, который предлагал ему устроить резиденцию в Мон-Луи между Луарой и Шером, дело, может быть, даже обошлось бы без революции 1789 года. Эти живописные берега то там, то тут носят на себе отпечаток нежной заботы королей. Замки Шамбор, Блуа, Амбуаз, Шенонсо, Шомон, Плесси-Летур, как и замки, построенные любовницами наших королей, вельможами и финансистами в Вере, Азеле-Ридо, Юссе, Виландри, Балансе, Шантелу, Дюртале – иные из них уже не существуют, но большинство уцелело, – все эти восхитительные памятники передают дух и очарование этой эпохи, столь плохо понятой сектой литературных медиевистов. Среди этих замков замок Блуа, где в те времена находился двор, носит наряду с другими следы блеска и великолепия Орлеанской династии

и династии Валуа и в силу этого особенно любопытен для каждого историка, каждого археолога, каждого католика. В то время он был совершенно отрезан от мира. Город, окруженный крепкими стенами и башнями, расстился у подножия крепости – а ведь этот замок являлся в одно и то же время и крепостью и загородною резиденцией. Над городом с его тесно прижатыми друг к другу синеватыми шиферными крышами, которые тянулись тогда, как и теперь, от самой Луары до вершины холма, над правым берегом реки находится треугольное плато. С запада его окаймляет ручей. Теперь ручей этот не имеет никакого значения, потому что русло его проходит под городом, но в XV веке, как утверждают историки, на этом месте находилась довольно значительная балка, от которой осталась теперь лощина с совершенно отвесными стенами, отделяющими предместье города от замка.

Вот на этом-то плато, открытом с севера и с юга, графы де Блуа и воздвигли в стиле архитектуры XII века замок, где находился двор знаменитых Тибо-Плута, Тибо-Старого и других⁹⁶. В эти феодальные времена, когда король был не более чем *primus inter pares*⁹⁷, как прекрасно выразился один из польских королей, из числа графов Шампани, Блуа, Анжу, рядовых нормандских баронов и бретонских герцогов вы-

⁹⁶ Двор знаменитых Тибо... – Тибо – имя нескольких графов Шампанских в средние века.

⁹⁷ Первый среди равных (*лат.*).

шла целая когорта государей – королей самых могущественных держав. Плантагенеты Анжуйские, Люзиньяны из Пуату, Роберты Нормандские благодаря своей отваге становились родоначальниками королевских династий, иногда же, подобно де Глэкену, простые рыцари отказывались от королевского пурпура и предпочитали ему меч коннетабля. Когда графство Блуа было присоединено к королевским владениям, Людовик XII, который облюбовал это место, может быть, для того, чтобы жить подальше от Плесси, связанного в его памяти с мрачным образом Людовика XI, построил корпус с окнами на восток и на запад, соединивший под углом замок графов Блуа с остатками старинных строений, от которых в наши дни уцелел только один огромный зал, где при Генрихе III собирались Генеральные штаты. Франциск I захотел довести до конца постройку этого замка, присоединив к нему еще два крыла; таким образом, весь квадрат был бы завершен. Но Шамбор отвлек этого короля от Блуа, и он ограничился тем, что воздвигнул там только корпус, который и явился самостоятельным замком как во время его царствования, так и при его внуках. Этот третий из замков, построенных Франциском I, гораздо обширнее, чем та часть Лувра, которая носит название Лувра Генриха II. Это один из самых причудливых образцов так называемой архитектуры Ренессанса. Поэтому в то время, когда существовала эта своеобразная архитектура и о средневековье никто не думал, в эпоху, когда литература не была так тесно связана с ис-

кусством, как в наши дни, Лафонтен сказал про замок Блуа на своем полном добродушия языке: «Когда я разглядываю это здание снаружи, мне больше всего по душе построенное Франциском I; множество чудесных маленьких галерей, маленьких балконов, мелких, разбросанных там и сям украшений, – а из всего этого вместе вырастает нечто величественное и радует глаз».

Итак, замок Блуа являл тогда собою сочетание трех разных стилей, трех эпох, трех царствований. И не существует, пожалуй, ни одной королевской резиденции, которую в этом отношении можно было бы сравнить с замком Блуа. Эта огромная постройка в пределах одной и той же ограды, одного и того же двора с большою точностью и полнотою воспроизводит ту картину нравов и всей жизни народов, которая воплощена в архитектуре. В дни, когда Кристоф направлялся к королевскому двору, та часть замка, которая сейчас занята четвертым дворцом, воздвигнутым там семьдесят лет спустя мятежником Гастоном, братом Людовика XIII, представляла собою целый ансамбль цветников и висячих садов, в живописном беспорядке переплетавшихся с зубчатыми выступами и недостроенными башнями замка Франциска I. Эти сады соединялись смело перекинутым мостом (нынешние старики в Блуа помнят еще этот мост, который снесли при них) с цветником, возвышавшимся по другую сторону замка и в силу самого рельефа местности оказавшимся на том же уровне. Дворяне – приближенные ко-

ролевы Анны Бретонской⁹⁸ или жившие в Бретани и являвшиеся, чтобы о чем-нибудь перед ней ходатайствовать, советоваться с ней и докладывать ей о событиях в Бретани, по обыкновению ожидали на этом пригорке, пока она встанет, выйдет на прогулку и даст им аудиенцию. Вот почему история назвала этот пригорок Бретонским насестом. В наши дни на этом месте разбит чей-то фруктовый сад, выходящий на площадь Иезуитов. Площадь эта тогда тоже была покрыта зеленью и составляла часть этого чудесного ансамбля с его верхними и нижними садами. И теперь еще на довольно значительном расстоянии от площади Иезуитов стоит павильон, построенный при Екатерине Медичи, где, если верить историкам Блуа, у нее были бани. Эта деталь позволяет восстановить до крайности неправильное расположение садов, которые то возвышались, то опускались в зависимости от уровня почвы. Вокруг замка она была особенно неровной и этим делала его как бы крепостью, что, как мы в дальнейшем увидим, очень мешало герцогу Гизу. Замок соединялся с садом внешними и внутренними галереями, из которых главная по характеру украшавшего ее орнамента носила название галереи Оленей. Эта галерея заканчивалась великолепной лестницей, несомненно повлиявшей на создание знаменитой двойной лестницы в Шамборе; лестница эта шла с этажа на этаж и вела во внутренние покои зам-

⁹⁸ Анна Бретонская (1477–1514) – жена французского короля Карла VIII, в качестве приданого принесла французской короне герцогство Бретань.

ка. Хотя Лафонтен и предпочитал замок Франциска I замку Людовика XII, настоящий художник, отдав должное великолепию дома, построенного королем-рыцарем, прельстится, может быть, все же и простодушным созданием короля-добряка. Легкость обеих лестниц, находящихся с каждой стороны замка Людовика XII, своеобразные изящные скульптуры – им тогда не было числа, но даже и те немногие, что остались, продолжают пленять антиквариев – все, вплоть до почти монастырского расположения комнат, свидетельствует о крайней простоте нравов. По-видимому, двор тогда еще не существовал; он не был тем, чем стал впоследствии благодаря усилиям Франциска I и Екатерины Медичи, приведшим к гибели феодальных нравов. Когда восхищаешься этими галереями, капителями отдельных колонн, этими поразительными по своему изяществу статуэтками, нельзя отделаться от мысли, что Мишель Колом, этот великий скульптор, этот бретонский Микеланджело, сотворил все это, чтобы угодить своей королеве Анне, образ которой он увековечил на гробнице ее отца, последнего из герцогов Бретонских.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.